

Михаил СЕРЕГИН

РУССКИЙ
ВОР

ВОЛЧИЙ
ЗАРОК

ЭКСМО

Русский вор

Михаил Серегин

Волчий зарок

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Волчий зарок / М. Г. Серегин — «Научная книга», — (Русский вор)

Хватит с него этой жизни! Жена погибла, сына он почти не видит, зато бандитских рож вокруг сколько угодно. Бывший уголовник, авторитетный вор, а ныне бизнесмен Владимир Полунин решил жить в ладу с моралью и законом. Но жизнь есть жизнь. И если друг попал в беду, надо бросить все, вспомнить, что в прошлом ты – авторитет. Кто там выступает? Олигарх? Разберемся и с олигархом...

© Серегин М. Г.

© Научная книга

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Серегин

Волчий зарок

Пролог

Больше всего Алексею Каширину не хватало зимы. Нет, зима-то здесь была! По крайней мере, все считали, что она есть. И даже очень суровая, по сравнению с Багамами. Но что это за зима, когда вместо снега постоянно моросит дождь, а с посеревшего моря непрестанно дует промозглый ветер, пропитанный запахом йода от разлагающихся водорослей? Даже январская слякоть на московских улицах, возникающая из-за постоянного употребления дорожными службами химикатов и соли, теперь казалась Каширину вполне терпимой. Ведь, по крайней мере, в Москве всегда можно было найти пару сугробов!

Из окна огромной, по российским меркам, квартиры – здесь это жилье человека со средним достатком – был отчетливо виден Акрополь. Казалось, что никакие тучи, никакой дождь, никакой редкий в этих краях туман и неисчезающий смог не могут заслонить собой это великолепное творение людей, сгинувших много веков назад. Древние зодчие умерли. Но плоды их рук живут и будут жить еще долго, сохраняя в сердцах людей вечную память о своих создателях.

– Чего не скажешь обо мне! – буркнул Каширин и повернулся к мольберту. – Ну кому эта мазня может быть нужна? В сортире повесить стыдно...

Алексей швырнул кисть в недописанный холст. С глухим звуком ударившись о поверхность туго натянутой на каркасе ткани, словно палочка по барабану, кисть отскочила на паркетный пол. Охра, бывшая на самом кончике собранных в конус конских волосков, оставила аляповатую кляксу на поверхности холста. Глядя на нее, Каширин усмехнулся – клякса походила на раздавленного каблуком таракана.

– Алекс, ты опять портишь свои прекрасные картины? – вопрос, заданный за спиной Каширина, прозвучал скорее утверждением, чем чем-либо иным. – Успокойся, милый. Прошу тебя! Ты еще будешь знаменит. У тебя все еще получится. Ты и сейчас уже очень популярен в Афинах...

Каширин обернулся и, едва сдерживая раздражение, посмотрел на вошедшую в эту комнату, служившую мастерской, белокурую женщину. Ей было чуть больше сорока лет. Однако чувствовалось, что женщина следила за собой, старательно поддерживая физическую форму. Именно поэтому на ее овальном лице почти не было морщин. Лишь уголки огромных миндалевидных глаз искрились ими, словно лучиками нарисованного ребенком солнца. Да еще ее нос – именно такой принято называть «греческим» – несколько портила глубокая поперечная складка.

Если бы не русые от природы волосы, то эту женщину просто невозможно было бы отличить от тех гречанок, что с утра до ночи толкуются на большом базаре у грузового порта, расположенного в трех кварталах от дома, где проживал Каширин. Но именно это сочетание карих глаз, смуглой кожи и белокурых выющихся локонов и очаровало в свое время Каширина.

Это, а еще возможность убраться подальше от опостылевшей России. С ее грязью, беспределом, нищетой и безысходностью. Алексей, с самой юности считавший, что жена должна быть непременно моложе мужа, перешагнул через себя и закрыл глаза на то, что Елена старше его более чем на десять лет. Хотя, что там лукавить! Выглядела она даже свежее Каширина, успевшего к своим тридцати двум познать почти все расхожие пороки.

– Лена, это мои картины. И мне лучше знать, чего они стоят, – подавив в себе раздражение, сдержанно ответил Алексей. – И вообще, я же просил тебя не входить сюда, когда я работаю...

– Ты не работаешь, Алекс, а портишь вещи, способные доставить людям радость, – спокойно проговорила Елена, словно отчитывала нахалившего мальчишку. – А насчет стоимости, милый, ты не прав. Ты так же далек от бизнеса, как я от своей девственности. Позволь мне самой решать, сколько стоят твои шедевры.

– «Шедевры», мать твою! – вновь выругался Каширин, передразнивая жену. – Это мазня, а не шедевры...

– Вот тут мнение большинства никак не сходится с твоим, – улыбнулась Елена и подняла с пола кисть. – И потом, Алекс, я понимаю, что ты воспитывался не при дворе, а на дворе. Но все же постарайся ругаться поменьше. Кстати, ты не забыл, что сегодня придет Александр?

– Единственный умный человек из всех Юсуповых, – буркнул Каширин.

– Сожалею, что не могу сказать такого же о твоих родственниках. Ты меня с ними не познакомил, – чуть грустно улыбнулась Елена и положила кисть на палитру. – Ладно, не буду тебе мешать. Пойду приготовлюсь. Сейчас я иду к Георгиадису. Мне нужно договориться с ним о твоей выставке.

Елена величественно повернулась и, плавно качая бедрами, пошла к выходу из комнаты. Каширин смотрел ей вслед. В такие моменты жена очень сильно напоминала ему Таню Коробкову, в которую они вместе с Вовкой Полуниным были влюблены бог знает сколько веков назад!

«Танька, Вовка, Ритка. Как все это было давно, – подумал Каширин, снова наполняясь тоской. – Словно и не было вас вовсе. Словно всегда было это серое море, промозглый дождик и Акрополь...»

Неожиданно для самого себя Алексей сдернул с мольберта недописанный холст. Он небрежно бросил его к стене и, взяв из большой стопки чистый, укрепил его на освободившееся место. Каширин начал писать. То, что вспомнилось так неожиданно: яркое осеннее солнце, подернутый багрянцем клен и маленький тарасовский дворик, где на одной из скамеек встречались по вечерам четверо друзей – Вовка Полунин, Ритка Слатковская, Танька Коробкова и он, Лешка Каширин. Где они сейчас все?

После окончания школы Алексей уехал из Тарасова в Москву поступать в институт культуры. Тогда полный амбициозных планов молодой художник отправился покорять столицу, а вместе с ней и весь мир. И почти сразу потерял связь с прежними друзьями. Полунина посадили из-за дурацкой истории, Слатковская вышла замуж, а с Танькой они некоторое время переписывались. Пока не поняли – ни Каширину, ни Коробковой эти письма не были нужны.

«Где вы теперь? Что с вами?» – снова с непонятной тоской подумал о прежних друзьях Алексей, стараясь воссоздать по памяти на холсте ту самую изрезанную ножиками грязно-зеленую скамейку, где они встречались по вечерам.

С момента их последней встречи прошло уже почти пятнадцать лет. Многое изменилось вокруг. Изменился мир, изменились и люди, живущие в нем. Тогда Каширин и представить себе не мог, что уедет из страны, женившись на женщине старше себя. Пятиюродной внучке князя Юсупова, оставившего Россию в семнадцатом году.

Не думал тогда Каширин и о том, что согласится быть на содержании у внучки белоэмигранта. Не думал, что будет готов на все, лишь бы уехать с Родины, чтобы попробовать научиться жить по-человечески!

Однако и здесь, в Греции, Алексею не удавалось обрести душевное равновесие. Восхищение от первых впечатлений общения с новой для него страной и народом постепенно сошло на нет. Каширин все чаще и чаще начинал вспоминать тот самый тарасовский дворик. Гречи-

лись ему и оставленные, но не забытые друзья и даже та клетушка в общежитии в Москве, из которой его выселили, едва Алексей закончил институт.

Каширин отступил на шаг от полотна и внимательно всмотрелся в наполовину написанный уголок двора своего детства. Скамейка, расположенная почти в центре картины, притягивала к себе взгляд, словно магнитом. Алексей не мог оторвать от нее глаз. Он как будто в одно мгновение перенесся в свое детство. И Каширину на миг показалось даже, что сейчас к этой скамейке подойдет Танька и аккуратно сядет на уголок... Но видение тарасовского дворика померкло так же неожиданно, как и появилось.

Вместо него перед глазами Каширина встал Акрополь, венчающий вершину холма. Алексей бросился к холсту. И через мгновение стена старенького двухэтажного кирпичного дома на заднем плане картины превратилась в одну из колонн величественного творения древнегреческих архитекторов. Вторая половина залитого солнцем клена преобразовалась в укрытый тенью кипарис. А над скамейкой нависла полуразрушенная статуя Афины Паллады.

Прошлое и настоящее переплелись на холсте в единое целое. Солнечный погожий осенний денек превратился в укутанные дождем зимние сумерки Эллады. И Каширин торопливо наносил на холст один мазок за другим, словно стараясь раз и навсегда стереть из памяти бередящие душу воспоминания. Прошлого не вернуть и тосковать по нему глупо и наивно.

Алексей снова отступил и внимательно посмотрел на свое творение. Чего-то на холсте не хватало. Какой-то важной детали, которая завершила бы переплетение двух тем: прошлого и настоящего. И Каширин понял, что еще должно быть на холсте. Грустно рассмеявшись, он несколькими быстрыми мазками изобразил на холсте контуры лица Елены. Как раз в том месте, где крона клена превращалась в листву кипариса. Лицо Елены холст словно разрывал, навсегда отделяя прошлое от настоящего.

– Блестящая аллегория! – услышал Каширин за своей спиной знакомый голос и обернулся. – Пожалуй, это самое лучшее, что ты сделал до сих пор. Сколько ты хочешь за эту картину?..

– Саша, ты когда-нибудь перестанешь появляться неожиданно? – деланно возмутился Каширин. – Мог бы постучать хоть раз, в конце-то концов!

– Боялся спугнуть твоё вдохновение, – усмехнулся Юсупов и подошел ближе. – Так сколько ты хочешь получить за этот холст?

– Обсуди это с Еленой, – проговорил Алексей, вытирая испачканные краской руки о свою клетчатую фланелевую рубашку. – Хотя я не уверен, что захочу продать эту мазню...

Александр совершенно не обратил внимания на последнюю реплику Каширина. С задумчивым видом он не отрываясь смотрел на холст. Такие же огромные карие, как и у его сестры Елены, глаза Юсупова подернулись дымкой воспоминаний. Казалось, что аллегория Алексея напомнила ему что-то из собственного детства. И Юсупов забыл обо всем, что сейчас окружает его.

Каширин отошел к окну, удивленно и в то же время обрадованно наблюдая за реакцией Александра. Он словно в первый раз увидел брата своей жены и внимательно осмотрел его. Так, как будто они только лишь познакомились.

Юсупову было лет под сорок. Черты его округлого лица мало напоминали греческий профиль Елены. А аккуратная черная борода «а-ля Николай Второй» вообще делала Александра похожим на абрека. Если бы не русые волосы, тщательно вымытые и уложенные, спадавшие золотистой волной до самых плеч потомка древнего княжеского рода.

– В общем, Лешка, можешь не пытаться мне помешать, – проговорил Юсупов, наконец оторвавшись от созерцания холста. – Эту картину я куплю. А коли тебе, творцу прекрасного, претит говорить о финансах, обговорю эту тему с Еленой.

– Она даже не знает, что я сегодня писал. Кстати, разве Елены нет?

– Горничная сказала, что она ушла к этому идиоту Георгиадису, – пожал плечами Александр. – Что-то связанное с твоей выставкой.

– Ах да! Помню, – Алексей потер плохо вытертым пальцем висок. – Пойдем-ка что-нибудь выпьем...

Каширин приоткрыл дверь мастерской, пропуская Александра в гостиную. Молодая черноволосая горничная с экстравагантным именем Электра, сметавшая метелкой из перьев пыль с антикварного буфета, вопросительно обернулась к ним. Предвосхищая ее вопрос, Каширин отрицательно покачал головой и достал из бара бутылку виски, содовую и два стакана.

– Господи, никак не могу привыкнуть к прислуге, – недовольно пробормотал он, усаживаясь на диван. – Буржуем каким-то себя чувствую.

– Зато к виски с содовой ты привык быстро, – фыркнув, констатировал Юсупов, располагаясь в кресле напротив. – И теперь, по меркам российского пролетариата, ты и есть буржуй. Как и я. Хотя не скажу, что мне нравится это слово.

– Ну еще бы, ваше сиятельство, – съязвил Алексей. – Неприязнь к эпитету «буржуй» должна у вас быть на генетическом уровне. Как тяжелое наследие семнадцатого года.

– Да пошел ты... корове под хвост, Каширин, – фыркнул Юсупов и бросил на журнальный столик пачку сигарет «Ротманс». – Долго будешь обниматься с бутылкой?

Алексей усмехнулся и отвинтил крышку. Электра, поняв, что мужчины обосновались в гостиной надолго и не дадут ей спокойно убраться здесь, тяжело вздохнула и отправилась наводить порядок в спальне. Каширин, бросив мимолетный взгляд ей вслед, разлил виски по стаканам и добавил в них содовой.

– Посмотрите на него! Научился правильно готовить напиток, – всплеснул руками Юсупов и поднял стакан, слегка качнув им в сторону Алексея. – За твое великое будущее.

– И тебя туда же, – буркнул Каширин и задумчиво посмотрел на Александра. – Слушай, Саша, почему ты не такой, как твои родственники?

– Потому что они пошли в маму, гречанку Кариаполус. А я – точная копия незабвенного папочки, – усмехнулся Юсупов.

– Я не о том, – слегка смутился Каширин. – Я хотел сказать, что все они, Елена и остальные, какие-то странные. Они как будто все еще живут в начале века и постоянно посещают царский двор. Все немного чопорные и жеманные. А ты... Ну, какой-то не такой, непохожий на них. К тому же и занимаешься ты... Как бы это правильнее сказать?..

– Правильнее всего было бы сказать «воровством», – усмехнулся Юсупов. – Не понимаю, почему ты так боишься этого слова? Материшься, как сапожник. Даже в присутствии особ королевской крови. А слово «вор» сказать не можешь.

– Нет, что ты, – окончательно смутился Каширин. – Просто ты сам знаешь, что для нормальных людей... Нет, я хотел сказать – для большинства людей!..

– Ты сказал, что сказал, – перебил его Александр. – И тут я согласен с тобой. Если считать нормальными людей, которые безропотно отдают свои деньги государству, бандитам на улице или собственной жене, отнимающей все до последней копейки и не оставляющей мужу даже мелочи на кружку пива, то тогда я согласен с термином «ненормальный». Да, Леша, я ненормальный. Я вор. Но вор с принципами, в отличие от всей этой уличной шпаны. Во-первых, потому, что никогда не граблю тех, у кого на счету меньше миллиона. А во-вторых, потому, что я никогда не попадаюсь и не попадусь!

Александр замолчал, вопросительно глядя на Каширина. Но Алексей отвел взгляд в сторону и потянулся за сигаретой. Юсупов щелкнул пьезоэлектрической зажигалкой.

– Интересно, Леша, – Александр иронично посмотрел на Каширина. – А почему ты именно сегодня заговорил о роде моей деятельности?

Алексей и сам пытался понять, зачем вообще начал этот разговор. Конечно, Александр ему импонировал и с ним Каширин чувствовал себя раскованно и легко, не то, что при обще-

нии с другими родственниками Елены, видевшими в нем безродного приживалу. Однако Каширин всегда старался в разговорах с Александром не касаться образа его жизни.

– Знаешь, Саша, – проговорил наконец Каширин. – Сегодня мне вспомнились времена моей молодости. Не знаю почему, но здесь, в Афинах, я думаю о тех днях все чаще и чаще. И я понял, что за всю мою беспутную жизнь у меня был лишь один настоящий друг – Володя Полунин. Мне только с ним всегда было легко и просто. Так же, как сейчас с тобой...

– И что же с ним случилось? – поинтересовался Юсупов.

– Его посадили, – вздохнул Каширин. – А я даже письма Вовке в зону не написал.

– Он тоже вор?

– Не знаю, – пожал плечами Алексей. – Тогда он был просто сопливым юнцом, верившим в благородство людей и справедливость закона. А сейчас... Кто Вовка сейчас, я не знаю. И, наверное, не узнаю никогда!..

Глава первая

Утро выдалось ясное. Бездонное голубое небо казалось перевернутой над городом фаянсовой чашей. И лучи солнца, только что начавшего свой ежедневный маршрут над крышами высотных домов, казалось, отражались от ее искристого дна. От этой запредельной сверкающей высоты могла закружиться голова, но Полунин в небо не смотрел. Его взгляд был обращен к земле. Туда, где теперь навеки нашла свой приют Анна.

Ровно год прошел с того момента, как банда Музыканта, нанятая беспредельщиком Сатаровым, расстреляла машину Тошки-Самбиста. Как раз в тот момент, когда друг Полунина и глава одной из крупнейших в городе бригад рэкетиров отвозил жену Владимира в безопасное место. На дачу, где Полунин собирался спрятать Анну и сына Антошку от возможных покушений. Но он опоздал.

«А почему бы тебе, Владимир, не отвезти нас самому на дачу?» – спросила Анна Полунина вечером, накануне своей смерти. Владимир отказал ей. Он сейчас уже плохо помнил, что послужило причиной для этого отказа. Трагическая смерть жены тогда изменила все в его жизни, сделав все планируемые ранее дела неважными и бессмысленными. Полунин не мог вспомнить о них. Но эта просьба Анны теперь безмолвным укором всегда звучала в его голове.

«Почему не ты? Почему доверяешь судьбу семьи чужому человеку?»

– Прости, – тихо ответил Полунин голосу из прошлого и еще ниже склонил голову. И повторил: – Прости.

Он стоял почти в самом центре городского кладбища и не мог поднять взгляд к мраморному обелиску с фотографией жены. Полунину казалось, что Анна смотрит с немим укором на него оттуда, из запредельного мира, через эту фотографию. И отделаться от этого ощущения Владимир не мог. Как не мог после смерти Анны смотреть ни на одну из ее фотографий.

Сынишку Антона Полунин с собой на кладбище не взял. Он специально поехал к могиле жены ранним утром, пока сын еще сладко спал. Мальчик оказался свидетелем убийства и очень долго переживал увиденное. Полунину просто не хотелось, чтобы, едва успокоившись, сын снова пережил те страшные события, вспомнив о них у могилы матери.

Не взял с собой Владимир и единственных близких ему людей, оставшихся в этом городе, – Шакирыча и Славку Болдина. Полунин хотел побыть наедине со своими чувствами у могилы жены, рассказать ей о прожитом годе так, будто Анна могла услышать и ответить ему. На этой исповеди посторонние были не нужны.

Он недвижимо стоял у изголовья могилы, все ниже и ниже опуская голову. По щекам Полунина катились слезы, срываясь с подбородка в траву, но Владимир не замечал их. Он вообще не видел ничего вокруг, вслушиваясь в звучащий в ушах голос погибшей Анны:

«Почему ты сам не отвез нас, Володя?.. Почему?»

Неожиданно за спиной Полунина, на центральной аллее кладбища, протяжно заревел автомобильный клаксон. К нему присоединился еще один. Следом еще и еще... Машины ревели непрерывно, отдавая дань памяти усопшим. Полунин обернулся.

Центральная аллея была забита машинами, и Владимир удивился тому, что не слышал их приближения. Перекрывая все движение, дорогу заблокировали несколько джипов, «Мерседес», серебристая «Ауди» и бордовая «десятка». Около машин, опустив головы, стояли десятка полтора крепких парней. А водители не отпускали клаксоны, не сводя глаз с Полунина. Владимир грустно улыбнулся и быстрым шагом пошел к запрудившим аллею автомобилям.

Из бордовой «десятки» к нему навстречу выбрались двое мужчин: высокий, широкоплечий и краснолицый Шакирыч и гибкий, словно былинка, Славка Болдин. Рамазанов первым подошел к Полунину и опустил тяжелую руку ему на плечо.

– Извини, Иваныч, что мы приехали без приглашения, – густым басом проговорил он. – Знали, что ты один хочешь побыть, но не приехать не могли. Мы тоже ее любили, и нам хотелось бы, чтобы Аня увидела нас рядом с тобой. Знала бы, что мы не оставили тебя и не оставим...

Болдин хотел что-то съязвить в ответ на излишне пафосное обращение Шакирыча к Полунину, но сдержался. Острый на язык Славка прекрасно понимал, что Владимир сейчас находится не в том состоянии, чтобы воспринимать ироничные пикировки.

Полунину нужно было услышать что-то подобное тому, что сказал Шакирыч. Поэтому Болдин и промолчал, решив напомнить Рамазанову об этой напыщенной речи как-нибудь в другое, более подходящее для этого время. Славке в этой ситуации оставалось только подойти поближе к Полунину и дружески похлопать его по другому плечу.

Следом за Болдиным к Владимиру приблизился Колька Батурин. Еще год назад он был одним из помощников убитого Самбиста. А теперь, после всеобщего одобрения братвы, возглавил бригаду Самбиста. Большинство ее бригадиров погибло во время бойни, устроенной тем же Музыкантом в помещении спортивного зала. Однако, пережив тяжелые времена, бригада возродилась и теперь заново отвоевывала собственную территорию.

– Иваныч, ты меня, в натуре, извини! Я говорить не мастак, – переминаясь с ноги на ногу, пробормотал Батурин. – Но знай, что мы сочувствуем тебе. И ты всегда можешь чисто на нас положиться. Только скажи, че надо, и мы все конкретно сделаем!

Полунин грустно улыбнулся.

– Я знаю это, Коля, – кивнул головой Полунин в ответ на слова Батурина. – И благодарю всех вас.

Следом за своим боссом к Владимиру вереницей потянулись бригады. В отличие от Батурина, они почти не сказали ничего. Лишь пожимали Полунина руку или шлепали его по плечу, выражая этим свое сочувствие. Владимир понимал, что бригадирам, по большому счету, безразлично его горе. Они не знали Анну, мало общались с самим Полунинным, да и к чужой смерти относились довольно легко.

Владимир машинально отвечал на их рукопожатия и похлопывания, почувствовав вдруг, как мутная волна одиночества накрывает его. Вокруг Полунина мелькали участливые лица, но за ними он видел пустоту. Даже Шакирыч и Славка в этот момент показались ему совершенно чужими людьми. И вместо благодарности за то, что они поддерживали его в минуты горя, Владимир почувствовал разочарование.

Перед глазами Полунина в одно мгновение пролетела вся его прошлая жизнь: школа, армия, институт, зона, семья. Одно за другим в памяти всплывали подзабытые лица, и Владимир вдруг понял, что всю жизнь был одинок.

Нет, друзья и подруги у него были всегда. Полунина любили, уважали и считались с его мнением. Но в этот момент, глядя на лица парней из бригады Батурина, Владимир неожиданно осознал, что все его знакомые сторонились его. Пытались все время держать дистанцию между ним и собой. И единственным человеком, который принимал его таким, какой он есть, понимал и отдавал ему себя целиком без остатка, была Анна.

Полунин прекрасно знал, что и Шакирыч, и Болдин, и Батурин, да и еще немало людей готовы пойти за ним в огонь и в воду. Но их чувства были скорее похожи на почитание вожака, чем на единение душ настоящих друзей. Все эти люди, уйдя от него, спешили погрузиться в свой мир. И Полунину сейчас показалось, что они всегда испытывали некоторое облегчение, в котором не могли или не хотели признаться даже самим себе, оказываясь вдали от него.

– Ну что, Иваныч, на могилу Самбиста пойдем? – словно из другого мира вдруг долетел до Полунина голос Рамазанова.

Владимир вздрогнул и посмотрел по сторонам. Только сейчас он понял, что уже довольно давно стоит, окруженный людьми, приехавшими выразить сочувствие его горю. Они немного

удивленно смотрели на него, застывшего в центре аллеи с взглядом, погруженным куда-то внутрь себя. Полунин потер пальцами виски, пытаясь прогнать непрошенные и болезненные размышления.

– У тебя малец-то с кем? – задал новый вопрос Шакирыч, внимательно вглядываясь в лицо Владимира.

– Я няню сегодня попросил пораньше приехать, – ответил Полунин. – Светлана сейчас у меня. Так что за Антона нечего волноваться. Пойдемте, навестим Тошку-Самбиста...

До могилы Самбиста все шли пешком, хотя и находилась она почти в самом дальнем конце кладбища, на новом участке. Первыми к гранитному надгробью подошли Полунин, Батурин, Славка и Шакирыч.

Бригадиры стояли несколько в отдалении. А когда все, кроме Батурина, отошли от могилы, бритоголовые парни потянулись к ней один за другим. При этом каждый вставал у надгробья на одно колено, затем касался холодного гранита лбом и, замерев на несколько секунд, уступал место другому. Когда последний из бригадиров отошел от могилы, Батурин повернулся к Полунину.

– Иваныч, мы тут в ресторане место заказали. Хотим Самбиста и Анну помянуть, – шмыгнув носом, проговорил он. – Короче, ты поедешь с нами?

Первым желанием Полунина было отказать. Он никак не мог избавиться от неожиданно возникшего у могилы жены ощущения, что все происходящее вокруг не больше, чем лицедейство. Владимиру вдруг захотелось сбежать подальше от всех этих людей. Уехать и никогда их больше не видеть.

Но он сдержал свои чувства. Он не мог отказать им. Ведь еще год назад часть этих ребят безоговорочно шла за ним под пули. И хотя стрелять начал не он, пытаясь решить все проблемы миром, но дела это не меняло. Парни слушали его и делали все, что он просил. Отказаться сейчас быть рядом с ними означало лишь одно – нанести смертельную обиду. А Полунин чувствовал, что не имеет на это права.

– Да, конечно, – коротко кивнул Владимир. – Только я недолго с вами пробуду, ребята. Меня сын ждет.

– Какие базары, Иваныч. Мы же все понимаем, – хмыкнул Батурин и вдруг дрогнувшим голосом добавил: – Спасибо, что ты с нами!

* * *

До ресторана «Оливер», который располагался почти в центре города, вереница машин добиралась около получаса. Это заведение считалось одним из самых престижных. Именно из-за него около двух лет назад едва не разразилась война между несколькими крупными бригадами «братков».

Каждая из группировок пыталась включить «Оливер» в сферу своего влияния, поскольку находился ресторан на границе сразу нескольких зон. Полунин, уже имевший к тому времени некоторый вес в преступном мире города, вмешался и смог добиться компромисса между бригадами. Он предложил считать ресторан нейтральной территорией, и к нему прислушались. Вот с тех пор в «Оливер» и стекались «братки», чтобы решить какие-то проблемы или отметить то или иное событие. Не нарушили традицию и в этот раз.

На двери ресторана к их приезду красовалась табличка с надписью «закрыто» на английском и русском языках. Но, несмотря на нее, в «Оливер» непрерывным потоком заходили люди. В основном коротко стриженные «братки», увешанные золотыми цепями и с сотовыми телефонами в карманах дорожных пиджаков. К тому моменту, когда Полунин вошел в зал ресторана, он уже был полон.

«Братки» из разных группировок держались порознь. Они стояли, каждый в своем углу, и негромко переговаривались, обсуждая какие-то собственные проблемы.

Полунин поморщился. Вновь, как и недавно на кладбище, все, происходившее вокруг, показалось ему дешевым фарсом. Большую часть собравшихся в «Оливере» людей Владимир не знал вообще или знал только в лицо. Мало с кем из них Полунин хотя бы здоровался за руку. А уж друзьями никого из гостей назвать точно не мог.

Именно гибель Анны и Самбиста положила начало беспределу, наступившему в городе с легкой руки Сатарова. Вновь нормализовать обстановку удалось совсем недавно – после вмешательства в дела нефтяной компании «Аркада» сотрудников ФСБ. Сегодняшняя годовщина была некой переломной чертой, обозначившей конец владычества Сатарова и возвращение к более-менее нормальной жизни. Все люди, собравшиеся здесь, пришли отметить именно это, решив почтить память первых жертв долгой и кровавой войны. И, наверное, имели на это право. Однако удержаться от вопроса Полунин не мог:

– Зачем все это? – недовольно обернулся он к Батурину, обедая рукой заполненный зал «Оливера».

– Ты че, Иваныч, в натуре? – удивился Николай. – Анна и Антон должны знать, что мы их помним. Да к тому же и этим чувакам нужно видеть, что мы своих людей не забываем и почести им воздаем чин по чину. Короче, положено так. Сам, что ли, не знаешь?

– Ладно. Замнем для ясности, – махнул рукой Полунин. – Давайте закончим все это побыстрее.

Батурин кивнул головой и подошел к распорядителю «Оливера». Некоторое время они что-то обсуждали вполголоса, но Владимир этого не слышал. Его появление в банкетном зале ресторана не осталось незамеченным. И к Полунину стали подходить люди, выражая свое соболезнование.

Владимир вглядывался в лица подходивших к нему «братков» и видел в них то же холодное равнодушие, прикрытое маской сочувствия. Полунин старался не обращать на это внимания, но получалось у него плохо.

Собственно говоря, Полунин понимал, что глупо ждать искреннего сочувствия от людей, зачерстневших от жестокой действительности. Бессмысленно было их обвинять в том, что они стали такими. Как и винить кого-то, кроме себя, в гибели Анны.

Ввязываясь в войну с Сатаровым за большие деньги, вращающиеся в нефтяном бизнесе, Полунин понимал, какими последствиями это может быть чревато. Он предполагал, что на него могут начать оказывать давление, используя его семью. Однако тогда Владимир считал, что игра стоит свеч. А теперь был готов отдать все на свете за возможность повернуть время вспять, прекрасно понимая, что прошлого не вернешь.

Долгими бессонными ночами Полунин вступал в дискуссии с самим собой. Он пытался убедить себя в том, что пора перестать убиваться из-за смерти жены и попытаться научиться жить без нее. Владимир говорил себе, что год – это уже очень большой срок, для того чтобы рана в душе зарубцевалась. Однако ни к чему подобные самоуверения не приводили. Боль от потери Анны не притуплялась, а становилась только острее. И никакие дела и заботы не могли отвлечь его от мыслей о смерти жены. Разве что Антошка.

Парнишка рос шустрим и смышленным. Первое время после убийства Анны он долго не мог нормально спать, мучимый кошмарами. Зрелище трагедии, разыгравшейся у Антона прямо на глазах, вновь и вновь возвращалось ему в снах. Может быть, Антону и удалось бы пережить все намного легче, если бы не последующий арест Полунина и побег из-под стражи.

Некоторое время Антон жил у матери Шакирыча. Но затем кто-то из доброхотов-соседей доложил куда следует и парнишку забрали от Рамазановых в детский дом. Для пятилетнего Антона оказаться одному в чужом и враждебном мире было слишком тяжелым испытанием.

И когда Полунин после разоблачения Сатарова и освобождения от всех ложных обвинений забрал сына из детдома, тот был мало похож на самого себя.

С тех пор прошло несколько месяцев. Невероятными усилиями врачей и самого Полунина Антона удалось вернуть к нормальной жизни. Сейчас мальчишка уже почти не вспоминал о недавних страшных событиях. И Владимир стремился сделать все, чтобы Антон почувствовал себя счастливым.

Тряхнув головой, словно стараясь сбросить с себя груз тяжелых воспоминаний, Полунин осмотрелся по сторонам. Гости, приехавшие на поминки, начали занимать отведенные им места. И Владимир невольно удивился, как хорошо Батурину удалось всех рассадить. Николай умудрился так распределить места, что ни один честолобивый «бригадир» не почувствовал себя униженным. А сделать это было ой как непросто, поскольку каждый стремился занять местечко получше.

Полунин увидел жест Николая и прошел на свое место. Когда все, наконец, расселись, Батурин попросил тишины. Подняв рюмку, Николай встал с кресла и довольно пространно рассказал о том, какими прекрасными людьми были Анна и Самбист. Едва закончив, он посмотрел на Полунина, взглядом спрашивая, не хочет ли он добавить что-то. Но Владимир отрицательно покачал головой.

– Ты все сказал правильно, – грустно улыбнулся Полунин. – Больше добавить нечего.

Все присутствующие поднялись и молча выпили. Некоторое время в ресторане стояла тишина. А затем то в одном, то в другом конце стола стали раздаваться приглушенные голоса. Постепенно разговоры стали громче, и от торжественного траура обстановки вскоре не осталось и следа. Люди что-то рассказывали друг другу, спорили и даже смеялись. Полунин пытался убедить себя, что все происходящее вполне естественно и никто из этих людей не обязан проливать слезы по погибшим год назад, но все равно ничего не мог поделать с накалывающейся волной раздражения. Владимир почувствовал, что больше не сможет оставаться здесь. Он уже собрался встать, но его задержал Батурин.

– Иваныч, ты можешь уделить мне минут пять? – проговорил Николай. – Дело есть конкретное.

Полунин пожал плечами и, поднявшись, пошел следом за Батуриным в дальнюю часть ресторана, где двумя ровными рядами располагались отдельные кабинеты. Открыв дверь одного из них, Батурин пропустил Владимира внутрь и вошел следом за ним. Николай предложил Полунину сесть, но тот отрицательно покачал головой и прислонился к стене.

– Так что у тебя? – спросил Владимир, скрестив руки на груди.

– Тут такое дело, Иваныч, – сказал Батурин. – В общем, на днях должны нарисоваться двое «кексов» из столицы. Им нужен бензин, но на «Нефтьоргсинтез» они соваться не хотят. Если только в крайнем случае. Они хотят взять конкретного бензина по левой цене. Едут чуваки с «бабками», и у меня есть задумка их кидануть. Нужна твоя помощь...

– Нет, – не меняя позы, коротко бросил Владимир.

– Да ты не гоношись, Иваныч, – Николай похлопал его по плечу. – Они лохи, ни под кем не работают. Одиночки. Так что кипиша никакого не будет. Я им просто левый бензин хочу втулить. А ты у нас мужик головастый! Помоги организовать все, в натуре. Естественно, «бабки» поделим...

– Нет, – еще раз повторил Полунин.

– Ты че, Иваныч, конкретно повелся, что-ли? – Батурин отступил от него на шаг. – В чем дело-то, в натуре? Работы на полдня. Левую горючку я сам найду. Тебе только и нужно, что придумать, как им ее впулить. Разборок никаких не будет. А если какой кипиш и поднимется, так я сам его конкретно разрулю.

– Ты не понял, Коля, – Полунин усмехнулся. – Я сказал «нет» не от того, что боюсь разборки или опасаясь перетрудиться. Просто я не хочу больше этим заниматься. Я просто решил для себя раз и навсегда, что с криминалом завязываю. Хватит с меня.

– По-моему, это не то, Иваныч, – немного обиделся Батурич. – Я понимаю, сегодня у тебя трудный день: годовщина смерти жены и все такое. Извини, что выбрал неподходящее время для базаров. Давай все это завтра рулить будем.

– Ни завтра, Николай, ни позже никаких базаров не будет, – Полунин посмотрел Батуричу в глаза. – Я тебе сказал, что завязываю с этим бизнесом. И так оно и будет. В конце концов и в этой стране можно жить нормальной жизнью. Хватит с меня того, что из-за моих авантюр погибла Анна. Я больше никому не хочу принести вреда. А вот совет тебе могу дать. Не связывайся с этими чуваками. Бензином одиночки не торгуют.

Полунин круто развернулся и вышел из кабинета. Николай некоторое время недоуменно смотрел ему вслед, а затем, пожав плечами, вышел и закрыл за собой дверь. Батурич действительно считал, что Владимир просто перенервничал, и решил повторить этот разговор через пару дней, когда, по его мнению, Полунин должен был успокоиться.

Выходя из полуарки, за которой скрывались ряды кабинетов, Владимир заметил, что и Шакирыч, и Болдин внимательно и настороженно смотрят в его сторону. Оба словно пытались прочесть на лице Полунина, что за разговор у него был с Батуриным, и понять, что им делать дальше. Владимир кивнул им, приглашая выйти вместе из ресторана.

– Что случилось, Иваныч? – настороженно поинтересовался Рамазанов.

– Ничего особенного, – усмехнулся Полунин. – Просто мне надоела эта компания. Да к тому же сын ждет. Вы едете со мной или здесь останетесь?

– А зачем тебя Колян с собой позвал? – Шакирыч внимательно посмотрел на Владимира. – Потом расскажу, – усмехнулся Полунин. – Так вы едете со мной или еще задержитесь?

– Не вопрос, – улыбнулся Славка. – Конечно, едем...

Все трое пошли к своим машинам, а через широкое окошко ресторана за ними наблюдали гости, приглашенные на поминки. Никто не мог понять, почему Полунин с друзьями покинули торжество. И лишь услышав от Батурина, что у Владимира появились неотложные дела, бригады успокоились, и вспыхнувшая было в них обида постепенно сошла на нет.

Когда Полунин с друзьями приехал к себе домой, Антон уже проснулся. Он гонялся по дому за радиоуправляемым джипом, пытаясь задавить им пестрого котенка, которого принес с собой несколько месяцев назад из детдома. Котенок, который давно перестал быть маленьким пушистым комочком и уже стал заглядываться на дворовых кошек, играть не разучился и лихо уворачивался от урчащей игрушечной машинки, иногда ударом лапы опрокидывая ее на бок. Антону это здорово нравилось, и его звонкий смех заливал весь дом.

Светлана, поджав под себя ноги, расположилась на кожаном диване в гостиной и с легкой улыбкой наблюдала, как Антон резвится с котенком. Услышав звук открывающегося замка, она поднялась и вышла навстречу Полунину. Антон тоже на секунду замер, а потом, услышав знакомые шаги, бросился навстречу отцу.

– Папа, папа, – закричал он с порога гостиной. – Иди посмотри, что там Пушок с моим джипом вытворяет!

– И что же он вытворяет? – улыбнувшись, поинтересовался Полунин.

– Да он на него, как тигр, прыгает, – захлебываясь от восторга и размахивая руками, кричал Антон. – Честно-честно! Знаешь, как классно!

– Антон, оставь отца в покое, – поворачиваясь к малышу, строго проговорила Светлана. – Ему еще руки вымыть нужно. И вам за стол пора...

– Вечно вы, тетя Светочка, все портите, – шмыгнув носом, обиженно пробормотал Антон. – Что ему, на котенка посмотреть только с мытыми руками можно? Он же не есть котенка будет!

– Точно, есть я его не буду, – рассмеялся Полунин. – Но тетю Свету слушаться нужно. Поэтому идем мыть руки и сядем за стол.

На несколько секунд на душе у Владимира стало вдруг легко и спокойно. В какие-то мгновения Светлана напомнила ему покойную жену, которая так же ласково и твердо осаживала заигравшегося Антона и так же тепло смотрела на Полунина, возвращавшегося с работы. Иллюзия оказалась настолько полной, что Владимиру вдруг захотелось подойти к Светлане поближе и обнять ее. Так, как он прижимал к себе Анну.

Но длилось это не более секунды. Сначала Светлана слегка отодвинулась к стене, давая ему пройти. Затем она мимо Полунина направилась встречать поднявшихся по лестнице Шакирыча и Славку. Раздались слова Антона:

– Папа, а почему я должен тетю Свету слушаться? Она же не мама...

Полунин вздрогнул. Действительно, Светлана не была Анной. И никогда ей не будет. Как никогда не сможет вернуться то ощущение счастья и спокойствия, что давала Полунину Анна. Глупо было тешить себя иллюзиями того, что все еще может вернуться.

Всего две женщины оставили в сердце Владимира глубокие следы. И обеих нет с ним. Рита Слатковская не смогла пойти против отца, сделав все, чтобы забыть зэка Полунина. А Анну Владимир погубил сам, принявшись играть в игры без правил. И Полунин решил, что третьей женщины в его жизни не будет. Его сердце навсегда будет принадлежать Анне. Как некий обет покаяния за прошлые грехи.

– А почему ты слушался дядю Ильдара? – сумев взять себя в руки, улыбнулся сыну Полунин. – Он же тоже не твой папа?

– Ну ты скажешь, – фыркнул Антон. – Дядя Ильдар вон какой большой и сильный. Разве его можно не слушать?

– Слушай, сын, что я тебе скажу, – Владимир опустил перед Антоном на корточки и потрепал его по щеке. – Человека слушаются, любят и уважают не только за то, что он большой и сильный. Еще очень нужно, чтобы этот человек был добрым и мудрым. А для этого совсем не обязательно быть большого роста. И, поверь мне, далеко не всех сильных людей стоит слушаться...

– Ага, конечно, – мальчишка скептически посмотрел на отца. – Если здорового мужика не слушаться, то он тебе просто даст в ухо, и все. Куда от него денешься?

– Никуда, – рассмеявшись, согласился Полунин. – Но если маленький человек мудрый и добрый, он не станет вести себя так глупо, чтобы ему могли дать в ухо.

Оказалось, что Светлана приготовила шикарный стол. Полунин не собирался устраивать каких-либо поминок. Единственное, что он собирался сделать, так это выпить с Шакирычем и Славкой по рюмке водки и вспомнить Анну. Однако судьба внесла поправки в его планы. Сначала Батурин организовал пиршество в «Оливере», а вот теперь и Светлана собрала у него дома поминальный стол. Полунин беспомощно остановился посреди кухни, глядя на расставленные по столу разнообразные блюда.

– Зачем это? – поинтересовался он у няни Антона, разогревавшей что-то на плите. – Я же ничего не просил.

– А вам и не нужно было о чем-то меня просить, – пожала плечами Светлана. – Я прекрасно знаю, что сегодня за дата. И догадываюсь, что вы сами не стали бы собирать стол. К тому же мама Ильдара Шакировича просила меня о вас позаботиться.

– Ну что же, спасибо, – Полунин подошел к столу. – Хотя я и не думаю, что это было необходимо.

– А вы и не думайте, – Светлана даже не повернулась от плиты. – Просто садитесь и обедайте.

Владимир не нашелся, что ответить на это. Он почувствовал, что его слова задели молодую женщину, кажется, искренне желающую о нем позаботиться. Но что-то помешало Полунину попытаться снять возникшее между ними напряжение.

Может быть, то, что шикарно накрытый на кухне стол напомнил Владимиру ресторан «Оливер», заполненный безразличными к его трагедии людьми. А может быть, то мимолетное наваждение, что посетило его по возвращении домой. Полунин не стал размышлять об этом. Он лишь пожал плечами и сел за стол на свое место возле окна.

– Эх, ни фиги себе, пироги! – закричал Антон, забегая на кухню и забираясь ногами на стул. – И что мы сегодня празднуем?

На несколько мгновений в комнате повисла напряженная тишина. Взрослые не нашли, что ответить ребенку на такой простой вопрос. Полунин не хотел напоминать малышу о смерти его матери, а Светлана почему-то почувствовала себя неловко.

– Во-первых, молодой человек, прекратите выражаться. Это вас не красит, – проговорила она, снимая Антона со стула. – Во-вторых, забираться с ногами на стул неприлично. В-третьих, невежливо начинать есть до того, пока все гости не займут свои места. Ну и в-четвертых, пироги кушают вместе с компотом. А это третье блюдо. Если вы, сударь, учились считать, то должны знать, что перед цифрой «три» есть еще «один» и «два».

– Ладно, присаживайтесь к столу, – проговорил Владимир. – Разливай, Шакирыч, по стопочке. Нам сегодня есть что вспомнить...

Обед протекал размеренно и неторопливо. За столом почти никто не разговаривал. И даже Антон, почувствовав напряжение взрослых, притих. Он изредка растерянно всматривался в знакомые лица, словно пытаясь что-то вспомнить.

Светлана первой заметила это. Она тут же разрядила обстановку, сунув мальчишке два куска домашнего пирога и стакан компота. Антон принялся уплетать одно из самых любимых лакомств. Съев один кусок, мальчишка пробормотал с набитым ртом, обращаясь к отцу:

– Пап, там по телеку «Черепашки-ниндзя» начинаются. Можно я пойду в зал и доем пирог там?

Получив разрешение, Антон схватил кусок пирога и умчался включать телевизор.

– Слушай, Иваныч, – густым басом пророкотал Рамазанов, стараясь поймать взгляд Полунина. – Мы все любили и уважали Анну. Нам тоже непросто было смириться с тем, что ее больше нет. Но жизнь-то продолжается! Тебе придется научиться жить без нее. И не нужно себя винить. Ты ничего бы не смог изменить тогда.

– Первый раз старая перечница сказала что-то умное, – попытался было вставить слово Болдин, но Шакирыч оборвал его:

– Заткнись, Славка, – тихо, но твердо проговорил Рамазанов и вновь обернулся к Полунину: – Перестань себя терзать, Иваныч. Лучше возьми сына и поезжай куда-нибудь. Смени обстановку.

Полунин ничего не ответил. Он долгое время сидел молча, не поднимая головы от тарелки. Владимир знал, что Шакирыч прав. Занимаясь самобичеванием, он никому не делает лучше. Но Полунин был уверен, что никто никогда не снимет этот грех с его души.

Однако Владимир считал, что сейчас бессмысленно пытаться объяснить друзьям свои чувства. Редко случалось, что Рамазанов с Болдиным не понимали его. Но сейчас был именно такой случай. Он просто не мог объяснить друзьям, что творится у него на душе. Не мог и не хотел. Поэтому и долго молчал.

– В чем-то ты прав, Шакирыч, – наконец, прерывая затянувшуюся паузу, проговорил Полунин. – Мне с Антоном нужно действительно куда-нибудь съездить. Я перед смертью Анны обещал ему, что посмотрю вместе с ним Европу. Думаю, сейчас самое время выполнить свое обещание.

– Вот и молодец, – Рамазанов широко улыбнулся. – Прокатишься по Европе, развеешься. А там, глядишь, с новыми силами и за дела можно браться.

– Да, Иваныч, кстати, – встрепенулся Болдин. – Так что тебе Колян в «Оливере» говорил?

– Вот про дела он мне и говорил, – усмехнулся Полунин.

На мгновение он задержал взгляд на Светлане, раздумывая, стоит ли в ее присутствии пересказывать разговор с Батуриным. Она поняла этот взгляд и, сославшись на какие-то дела, поднялась из-за стола и покинула кухню. Полунин, посмотрев ей вслед, продолжил:

– Колян собирается кинуть каких-то залетных чуваков, приехавших за бензином. Предлагал мне поучаствовать.

– И что ты ему ответил? – лицо Шакирыча мгновенно потемнело.

– Сказал, что я больше этим не занимаюсь, – чуть улыбнулся Полунин. – Хватит. Хочу пожить спокойной жизнью.

– А вот это правильно! – расцвел Рамазанов. – Наигрались уже в жмурки с законом. Давно пора перестать выискивать приключения на свой зад.

– Ни хрена не правильно! – возмутился Болдин. – Это ты мхом порос. А Иваныч хоть и седой, но мужик еще в полном расцвете сил. Успеет он еще на печке с самоваром в обнимку насидеться. А сейчас нужно брать деньги, если они сами в руки идут...

– Нет, Славка. С авантюрами покончено, – устало проговорил Полунин. – В конце концов, в жизни каждого человека должен наступить момент, когда, кроме жажды наживы, должно появиться еще что-то. Более ценное. Иначе мир превратится в кошмар. Подумай над этим, Славка!

– Как скажешь, Иваныч, – пожал плечами Болдин и потянулся за бутылкой. – Ты у нас голова...

Глава вторая

– Володя? Полунин? Вот это встреча! – седовласый мужчина, сидевший в раскладном шезлонге на четвертой палубе теплохода, услышав голос, отложил в сторону англоязычный вариант «Аргументов и фактов», купленный недавно в Дувре во время недолгой экскурсионной стоянки, и обернулся к говорившему.

По направлению к нему от противоположного борта двигался худощавый парень лет двадцати семи. Он был одет в белую футболку с эмблемой фирмы «Найк» и шорты цвета кофе с молоком. Голову парня укрывала от солнца бейсболка с длинным козырьком, а глаза скрывались за продолговатыми зеркальными солнцезащитными очками. Полунин сразу узнал его.

– Димка? Миронов? Какими судьбами? – Владимир поднялся с шезлонга навстречу парню и протянул для рукопожатия руку. – Ты в каком порту сел?

– Обижаешь, Иваныч! – фыркнул Дмитрий. – Я не только не сел, но и садиться не хочу. Я, как говорят моряки, был взят на борт...

Они крепко обнялись, и Миронов занял соседний с Полуниным шезлонг. Владимир вгляделся в загорелое лицо парня. Знакомы они были уже давно. Лет восемь. И хотя встречались очень редко, испытывали друг к другу искренние дружеские чувства.

Миронов был сыном одного из крупнейших и авторитетнейших воров в законе. Полунин познакомился с его отцом еще тогда, когда сидел в зоне. Их свел Ленья Бык, земляк Полунина и зоновский авторитет. Миронова посадили перед самым освобождением Владимира и Быка, и он принимал эстафету от Лени, чтобы стать нелегальным главой зоны.

Позже, после освобождения Миронова, Полунину в силу различных обстоятельств несколько раз приходилось встречаться с ним. В основном в Москве, где обосновался Миронов. И на одной из таких встреч он и познакомился с Дмитрием.

Миронов-младший был совершенно не похож на своего отца. Как внешне – отец высокий, крепкий и черноволосый, сын худощавый и рыжий – так и по характеру. В отличие от Василия, Дмитрий не хотел иметь никаких дел с преступным миром. Он учился в Гарварде и страстно увлекался компьютерами. И, насколько знал Полунин, достиг на этом поприще немало успехов.

Владимир и Дмитрий разговорились. Оказалось, что Миронов только что сдал последнюю сессию в Гарварде и теперь решил немного отдохнуть, чтобы окончательно определиться, чем заняться дальше. Он сел на теплоход во время последней остановки туристического круиза в Дувре и собирался две недели путешествия до Стамбула бездельничать и кадрить девушек. В Стамбуле Дмитрий собирался задержаться еще на неделю, а затем самолетом отправиться в Москву.

– А ты почему один? – хитро прищурившись, поинтересовался Миронов. – Решил бежать от жены? Кстати, как она поживает?

Лицо Полунина мгновенно потемнело. Несколько секунд он медлил с ответом, словно собираясь с силами. Затем, посмотрев Дмитрию прямо в глаза, отрывисто произнес:

– Анна погибла.

– О господи! Извини, – Миронов покачал головой. – Я не знал. Мне никто ничего не говорил. Как это случилось?

– Как обычно. Парочка ублюдков расстреляла из автомата машину, в которой она оказалась, – сглотнув слюну, заполнившую рот, ответил Владимир. – Но не будем об этом.

– Хорошо, Иваныч. Без вопросов, – быстро согласился Дмитрий и осторожно спросил, опасаясь услышать худшее: – У тебя вроде сынишка был? Он не с тобой?

– Как не со мной? – слегка натянуто улыбнулся Полунин. – Вон он с негритенком играет.

– С негритенком? – удивился Миронов и повернулся в указанном Владимиром направлении.

Антон, загорелый почти дочерна, возился на специально оборудованной для детей площадке четвертой палубы. Вместе с чернокожим мальчишкой они сидели у неглубокого бассейна и старательно разбирали модель парусника, которую перед этим спускали на воду.

Некоторое время Полунин с Мироновым молча наблюдали за ними. Владимир глядел на сына и думал о том, как хорошо было бы в мире, если бы все люди могли так же понимать и ладить друг с другом, как Антон с молодым темнокожим англичанином. А еще Полунин думал о том, что Анна бы сейчас непременно порадовалась за сына. Шустрого и самостоятельного.

– Иваныч, может, пойдем что-нибудь выпьем за встречу? – сказал Миронов.

– Давай лучше позже, – предложил Полунин. – Сейчас слишком жарко. Уложу Антона спать, тогда и посидим спокойно, поговорим.

– Как скажешь, – согласился Дмитрий. – Тогда в десять в баре на шестой палубе?

– Заметано, – согласился Владимир.

Миронов встал с шезлонга и попрощался. Он повернулся и пошел к противоположному борту. Полунин несколько секунд следил за ним. До тех пор, пока Дмитрий не подошел к молодой длинноногой девушке, видимо, ждавшей его там все время, пока они с Полуниным разговаривали. С улыбкой посмотрев на них, Владимир покачал головой и вспомнил день, когда они с сыном выезжали из города.

* * *

Небо хмурилось, закрывшись от людских глаз темно-синими тучами. Подул резковатый и слишком прохладный для этого времени года ветер, поднимая пыль и мусор с обочин дорог и растрескавшегося асфальта тротуаров. Где-то вдалеке грохотал гром, и вот-вот должен был начаться настоящий ливень, делая погоду совершенно не подходящей для прогулок. Словно сама природа гневалась, не желая отпускать Полунина из города.

– Иваныч, может быть, завтра поедете? – сказал Рамазанов. – Смотри, вон непогодь какая. Видимость совсем никуда. А еще дождь пойдет. Не дай бог, что-нибудь на дороге случится.

– Я, Шакирыч, не первый год машину вожу, – усмехнулся Полунин. – К тому же, говорят, что уезжать в дождь – хорошая примета.

– С каких это пор ты, Иваныч, приметам веришь? – Болдин, проверявший торцовым ключом крепления гаек на колесах, распрямился и с иронией посмотрел на Владимира. – Может, перекрестить тебя на дорожку?

– Это я тебя сейчас перекрещу, – Полунин повернулся к нему. – Монтировкой, например.

Славка в наигранном испуге отшатнулся от Владимира и спрятался за капот «БМВ». Антошка, крутившийся поблизости от Болдина, засмеялся и бросился за машину догонять Славку. Болдин побежал от него, прячась за спины Шакирыча и Полунина. Владимир некоторое время наблюдал за их игрой, а затем поймал Антона и поднял на руки.

– Все. Поиграли, и хватит, – проговорил он, опуская сына на землю. – Сейчас тетя Света спустится попрощаться, и мы с тобой уезжаем.

Однако раньше няни Антона, плавно закатившись под арку в центре дома, во двор въехал сверкающий никелем темно-синий джип. Автомобиль свернул вправо и припарковался неподалеку от «БМВ» Полунина. Мужчины удивленно переглянулись.

– Зачем это сюда нелегкая Веселовского принесла? – ни к кому конкретно не обращаясь, поинтересовался Болдин.

Никто ему не ответил. Лишь Полунин слегка пожал плечами, глядя на останавливающийся джип. Дверка внедорожника открылась, выпуская на свет божий низкого, пухлого, лысоватого мужчину в дорогом черном костюме. Мужчина тщательно оправил отутюженные брюки и только после этого направился в сторону Полунина с друзьями.

Веселовский Александр Михайлович был генеральным директором того самого перерабатывающего комплекса «Нефтьоргсинтез», из-за войны за который и погибла жена Полунина. Правда, сам Веселовский к этому никакого отношения не имел. Он лишь умело подстраивался под сменяющихся владельцев предприятия, бесценно оставаясь на своем посту.

Руководил Веселовский «Нефтьоргсинтезом» как ставленник Сатарова. Остался он на посту гендиректора и после окончания операции, проведенной ФСБ в «Аркаде». Так его наградили за оказанную государству помощь. А поскольку Веселовский был угоден многим чиновникам в аппарате мэрии, Полунин не сомневался, что пробудет Александр Михайлович на этом посту до конца своих дней. Если, конечно, не пойдет на повышение.

Владимир не испытывал ненависти к Веселовскому. Но и приятельских чувств к гендиректору у него не было и не могло быть. Полунину всегда были неприятны люди такого типа: «шестерки», умеющие вовремя подлизать нужную задницу и получить за это поощрение.

– Владимир Иванович, я хотел бы с вами поговорить, – Веселовский протянул вперед руку для приветствия, но Полунин не обратил на нее никакого внимания. Гендиректор смутился, но постарался не подать вида. – Я собирался навестить вас завтра. Однако сегодня узнал, что вы собираетесь уезжать, а возникшая проблема требует безотлагательного решения, – как ни в чем не бывало продолжал говорить Веселовский. – Может быть, пройдете в мою машину?

– Зачем? – Полунин равнодушно посмотрел на него. – Не вижу в этом надобности. Во-первых, потому что сомневаюсь, есть ли что-нибудь такое, что я хотел бы обсудить с вами, господин Веселовский. А во-вторых, предпочитаю перед отъездом подышать свежим воздухом. В машине я еще успею насидеться.

– Вопрос действительно очень важный, – продолжал упорствовать гендиректор «Нефтьоргсинтеза». – Он напрямую касается и вас, и возглавляемого пока мною предприятия. Может быть, хотя бы отойдем в сторону?

– Нет необходимости, – так же равнодушно проговорил Владимир. Однако слово «пока», которое акцентировал Веселовский, вызвало у Полунина некоторый интерес. – Все, что вы хотите сказать мне, можете говорить при моих друзьях. У меня нет от них секретов.

– Хорошо, – сделав глубокий вдох, согласился гендиректор и начал свой рассказ.

Полунин внимательно его слушал, и постепенно выражение его лица менялось от равнодушного к раздраженному и, наконец, удивленному. От взгляда Веселовского не ускользнули эти изменения в отношении Владимира к новой информации, и гендиректор почувствовал внутреннее удовлетворение. Не так уж часто удавалось людям удивить Полунина...

Чуть больше года назад, когда в городе началась охота за акциями «Нефтьоргсинтеза», Владимир, поддавшись на уговоры Самбиста, решил поучаствовать в этой игре. Для скупки акций была создана фирма, которую возглавил главный инженер «Нефтьоргсинтеза» некто Соловейчик. Позже именно он получил доверенность на право распоряжаться акциями Полунина и Самбиста.

Когда убили Анну и Самбиста и началась охота за Полуниным, в руках Соловейчика оказалось в общей сложности сорок пять процентов акций. Сатаров, который и развязал беспредел, наняв бригаду киллеров, надавил на Соловейчика и заставил главного инженера передать ему акции. Теперь эта история получила продолжение.

– Так вот, – закончил свой рассказ Веселовский. – Поскольку на руках Соловейчика была лишь доверенность на право пользования акциями, то передавать их Сатарову он не имел никакого права. Тогда кое-какие документы были подделаны, но сейчас с этим разобрались. И акции возвращаются их законным владельцам...

Веселовский на некоторое время замолчал, ожидая от Полунина какой-нибудь реакции. Однако Владимир, замерев с окаменевшим лицом, не произнес ни слова. Веселовский шмыгнул носом и продолжил рассказ, едва заметно пожав плечами:

– Насколько мне известно, вы с Самбистом завещали друг другу собственные акции в случае насильственной смерти, – проговорил гендиректор. – Так что, Владимир Иванович, у вас сейчас на руках сорок процентов всех акций «Нефтьоргсинтеза». Пять процентов мы переслали Соловейчику в Израиль. Пять находятся у меня, как вы знаете, и десять процентов в распоряжении Томашевского.

Веселовский вновь сделал паузу, глядя снизу вверх в лицо Полунина. А Владимир словно и не замечал его присутствия. Он смотрел куда-то вдаль, стиснув зубы и сжав кулаки.

– Те сорок процентов, что принадлежали Сатарову и его подручному Романенкову, в ближайшее время поступят в свободные торги, – снова не дождавшись реакции на свои слова, вынужден был продолжить генеральный директор. – Не все, конечно. Около пятнадцати процентов получает администрация области, десять переходят во владение федералов, а остальные будут свободно продаваться. Вы, как крупнейший держатель акций, должны решить, будет ли «Нефтьоргсинтез» участвовать в этих торгах. К тому же кое-какие неотложные дела перерабатывающего комплекса требуют вашего присутствия. Может быть, вы сможете отложить поездку? По крайней мере, хотя бы на месяц?

– Мне не нужны эти акции, – наконец, расцепив зубы, глухим голосом проговорил Полунин.

– Хорошо, – пожал плечами Веселовский. – Тогда я отдам распоряжение отказаться от использования в торгах резервных фондов предприятия...

– Вы не поняли меня, – резко перебил директора Владимир. – Мне не нужны те сорок процентов, которые, как вы говорите, принадлежат мне!

– Извините, Владимир Иванович, – опешил Веселовский. – Как вас понимать?

– А так и понимайте, Александр Михайлович. Я отказываюсь от этих акций.

– То есть хотите их продать? – все еще отказывался понимать очевидное гендиректор. – Хорошо. Я знаю покупателя. Томашевский готов выложить за них круглую сумму...

Владимир отшатнулся. Ведь именно из-за вмешательства в дела «Нефтьоргсинтеза» Томашевского и началась в городе кровавая бойня. Этот прожженный делец из столицы потихоньку скупил все старые долги предприятия и, явившись к Полунину, потребовал либо немедленных выплат, чего перерабатывающий комплекс не мог себе позволить, либо передачи в его владение в счет погашения долга тридцати процентов акций «Нефтьоргсинтеза».

Ни Полунина, ни Сатарова эти варианты не устраивали. И пока Владимир искал возможность компромиссного решения проблемы, Сатаров разыграл карты по-своему. Он нанял киллеров для устранения партнеров. И именно Томашевского Владимир считал одним из главных виновников разыгравшейся трагедии. Хотя тот был совершенно непричастен к убийствам. Разве только тем, что его появление послужило поводом для развязывания бойни Сатаровым.

– Если ты, паскуда, еще раз произнесешь при мне это имя, я тебя заставлю свой собственный язык откусить, – прорычал Полунин, наклоняясь к Веселовскому. – Понял меня, петух?..

– Понял, понял! – залепетал тот, покрывшись липкой испариной. – Только успокойтесь. Не хотите продавать акции Томашевскому, найдем другого покупателя...

– Ну-ка, иди, мил человек, подожди в сторонке, – неожиданно для обоих вмешался в разговор Шакирыч. – Иваныч, пошли отойдем на пару слов. Спросить кое о чем хочу.

– Ты что, охренел совсем, дурак? – тихо, но возмущенно зарокотал Рамазанов, едва они с Владимиром удалились на достаточное расстояние от Веселовского. – Совсем базары не фильтруешь? Что за пургу ты погнал? Почему от акций отказываешься? За помелом-то следи...

– А я и слежу! – рывкнул на него Полунин. – Эти бумажки гребаные все кровью залиты. Именно из-за них Анна погибла, и я никогда руками больше к этому дерьму не притронусь!

– Дурак тарасовский! – схватил его за грудки Шакирыч. – Анна своей кровью за эти гребаные фантики заплатила. Из-за них ее порешили. А теперь ты хочешь сделать так, что ее смерть напрасной была? Охренел совсем? Хотя бы память ее уважал, раз свое горе не ценишь.

Полунин оттолкнул от груди руки Рамазанова и опустил голову. Шакирыч был абсолютно прав. Если в борьбе за акции «Нефтьоргсинтеза» в жертву была принесена Анна, то, отказываясь от них, Владимир делал смерть жены совершенно бессмысленной. Получалось, что умерла она из-за мимолетной прихоти мужа, решившего немного поиграть в крутого бизнесмена. Полунин покачал головой, стараясь отогнать тот ужас, который почувствовал от одной мысли об этом. Рамазанов заметил его смятение и продолжил уже спокойнее:

– О сыне хотя бы подумай. Этими бумажками ты ему безбедное будущее обеспечишь. От своего автосалона ты крохи имеешь. А тут хоть в Гарвард сына учиться отправишь, хоть еще куда. И Анна будет знать, что не зря погибла.

– Ты прав, Шакирыч, я сморозил глупость, – окончательно сдался Полунин. – Пойдем обратно. Сейчас все и решим...

Отложить туристическую поездку вокруг Европы Владимир наотрез отказался. Он считал, что не имеет права обмануть сына. А поскольку дела в нефтеперерабатывающей компании требовали немедленных действий, Полунин решил выписать доверенность на право использования его акций для решения спорных вопросов внутри фирмы.

Владимир предложил акции сначала Рамазанову, а затем и Славке. Однако оба категорически отказались, сославшись на то, что ничего не знают об этом бизнесе. У них и в собственной фирме Полунина дел хватает с избытком, и взваливать на себя новую ответственность ни Шакирыч, ни Болдин не хотели.

Полунин усмехнулся. Похоже, ничего другого ему не оставалось, как выписать доверенность на имя Веселовского. Владимир вспомнил свои недавние рассуждения по поводу возможности гендиректора хорошо жить при любом начальстве и, грустно улыбнувшись, иронично похвалил себя за прозорливость. Похоже, Веселовский останется на своем месте и при единоличном правлении Полунина.

Владимир решил от нотариуса назад домой не возвращаться. Светлана к моменту принятия этого решения уже спустилась к подъезду, и, попрощавшись со всеми, Полунин посадил сына в машину и отправился в центр города. Следом за ним тронулся с места и темно-синий джип.

Оформление доверенности много времени не заняло. Полунин выписал ее сроком на две недели и вручил документ Веселовскому. А через пятнадцать минут они с Антоном уже покидали город, отправляясь на запад. Сначала в Москву, а оттуда и на теплоход, уходящий в европейский круиз из Питера.

* * *

Полунин вынырнул из омуты воспоминаний и горько усмехнулся, в очередной раз поражаясь тому, какие фокусы выделяет с ним судьба.

Время приближалось к обеду. Пора было приводить себя в порядок и идти в корабельный ресторан, где всех отдыхающих три раза в день кормили различными деликатесами.

Полунин купил туристическую путевку по классу «А» и пользовался всеми вытекающими отсюда льготами. В том числе просторной каютой, которую они занимали вместе с сыном, и возможностью самому выбирать блюда из предлагаемого меню. Впрочем, Владимир особо не привередничал и ел только знакомую пищу. Встав с шезлонга, Полунин позвал сына и повел его принимать душ.

Во время обеда выяснилось, что корабль только что прошел Па-де-Кале и оказался в водах Ла-Манша. Руководитель экскурсионной группы, холеная женщина лет тридцати, рассказала туристам, что именно этим маршрутом отправился в свое последнее плавание печально известный «Титаник». И лишь у полуострова Катантен российский теплоход ляжет на другой курс.

Какой-то остряк из глубины обеденного зала тут же невинным голосом полюбопытствовал, не водятся ли тут айсберги, а вместе с ними и белые медведи. В ответ посыпались смешки и не менее умные шутки.

Какая-то дородная стареющая дама, видимо, испуганная упоминанием о «Титанике», взволнованно поинтересовалась, когда корабль в следующий раз пришвартуется к берегу. Руководитель группы объяснила, что сегодня поздно вечером судно пройдет на траверзе Шербура – ее тут же засыпали вопросами, что такое «траверз», – а завтра утром обогнет мыс Сент-Матье и встанет на три часа у пирсов Бреста.

– А я знаю про Брест, – тут же заявил отцу Антон. – Там есть Брестская крепость, где наши с фашистами дрались.

– Нет, сын, это другой Брест, – улыбнулся Полунин.

Оживленные разговоры так и не стихли до самого конца обеда. Соседи Полунина по столу, пожилая супружеская чета из Новокузнецка, уже почти и не пытались втянуть Владимира в разговор. За время, прошедшее с начала путешествия, они привыкли к нелюдимости Полунина и развлекались за обедом, болтая с его сыном, который, в отличие от отца, молчаливостью не отличался и успел перезнакомиться почти со всеми пассажирами, путешествующими в его классе.

Миронова Владимир увидел лишь в конце обеда. Оказалось, что Дмитрию выделили самый дальний от входа столик, который он делил с той самой девушкой, которая ждала его во время их недавнего разговора с Полуниным, руководителем экскурсионной группы и каким-то мужчиной лет сорока на вид. Миронов показал Владимиру часы, напоминая о недавней договоренности, и, увидев утвердительный кивок, вновь переключился на общение со своей спутницей.

Почти все оставшееся до встречи с Мироновым время Владимир провел у себя в каюте. Сначала он уложил спать Антона, упорно сопротивлявшегося и не желавшего отдыхать после обеда. Затем читал, смотрел телевизор или, погруженный в свои мысли, наблюдал в иллюминатор, размером превосходивший окна его квартиры, темную ленту далекого берега.

Его путешествие вокруг Европы длилось чуть ли не неделю, но того облегчения, на которое рассчитывал Владимир, так и не принесло. Вопреки ожиданиям, что вдали от места трагедии чувство вины за смерть Анны перестанет быть таким гнетущим, оно никуда не ушло. Напротив, даже усилилось.

Владимир первое время пытался бороться с собой. Он старался не думать о тех обстоятельствах, что привели к смерти Анны, и своем участии в них. Доказывал себе словами Шакирыча, что все равно не смог бы предотвратить смерть жены. Но ни к чему это не приводило. Факт оставался фактом и прожигал сердце Полунина раскаленной иглой – это именно он отправил на тот свет Анну вместе с Самбистом. Не заставь он жену уехать именно тогда на дачу, Анна была бы сейчас жива.

Полунин пытался бороться с чувством собственной вины. Он постоянно был рядом с сыном, прячась за заботами о нем, словно за живым щитом.

Однако все его усилия сводила на нет первая же проходящая мимо красивая женщина. Глядя на веселых и беззаботных девушек в бикини, Полунин говорил себе, что на месте любой из них должна была бы быть Анна, которую незадолго до смерти Владимир собирался отправить в такой же круиз.

Путешествие на теплоходе стало тяготить Полунина. Вместо желанного облегчения, вынужденное безделье приводило его только к новым размышлениям. Владимир уже начинал подумывать о том, чтобы сойти с судна в одном из портов и самолетом вернуться домой. Но именно в этот момент и появился Миронов.

Встретив Дмитрия, Полунин подумал о том, что этот молодой парнишка, воспитанный в семье авторитетного вора, смог не встать на преступный путь и жить вполне нормальной

жизнью. Появление Миронова вдруг придало Владимиру дополнительные силы и прибавило решимости пройти весь путь до конца. Дабы доказать всем, и в первую очередь самому себе, что он сможет отрешиться от прошлого и, в память Анны, воспитать сына честным и добрым.

Миронова Владимир на ужине в зале корабельного ресторана не увидел. Видимо, Дмитрий решил не наедаться перед визитом в бар.

Придя в каюту, Антон перед сном заставил отца читать новую сказку из большого сборника, купленного в Санкт-Петербурге. Мальчишка долго не хотел засыпать и уговорился лишь к десяти часам. Несколько минут посидев около кровати заснувшего сына, Полунин переоделся и отправился в бар на шестую палубу.

Едва выйдя на свежий воздух, Владимир увидел впереди, справа по борту, приближающиеся огни залитого неоновым светом Шербура. Воспетый французским кинематографом городок с моря показался Полунину совсем крошечным. Просто маленький порт, раскинувшийся двумя светящимися крылами по обеим сторонам небольшой бухты.

И все же, глядя на него, Полунин неожиданно для себя почувствовал душевный подъем. Может быть, эта неожиданная встреча с Мироновым оказала на Владимира тонизирующее действие. Может быть, просто морское путешествие и временная свобода от житейских забот повлияли на него, но Полунин вдруг почувствовал необычайное спокойствие. Словно что-то теплое и очень доброе коснулось его души.

Владимиру подумалось, что это Анна пытается сквозь незримую ограду другого мира ободрить его. Полунин словно наяву увидел, как она ободряюще улыбается ему. И впервые за целый год в этот момент в его душе вместо страшной боли от утраты появилась лишь легкая грусть.

Полунин застыл на палубе, не в силах оторвать взгляда от проплывающего мимо французского городка, залитого светом. Владимир почти забыл об условленной встрече и спохватился лишь тогда, когда судно поменяло курс, оставив Шербур за кормой. Полунин хлопнул себя по лбу и поспешил в бар.

Может быть, от того, что в это время года молодые люди предпочитают круизам на теплоходах отдых на курортах, но среди пассажиров теплохода было вообще мало людей младше тридцати лет. В основном вместе с Полуниным путешествовали состоятельные бизнесмены, выбравшие в своем напряженном рабочем графике время для трехнедельного отдыха на борту теплохода.

Миронов резко выделялся среди общей массы. И не только молодостью. Просто за километр чувствовалась исходящая от него жизненная энергия. И, пробыв в баре около получаса, общительный Дмитрий уже успел собрать вокруг себя довольно большую стайку отдыхающих. Полунина он заметил сразу и помахал ему рукой. Затем, что-то сказав своим спутникам, отделился от толпы и направился навстречу Владимиру.

Взяв Владимира под руку, повел его к столику, за которым сидели две девушки. В одной Полунин узнал недавнюю спутницу Дмитрия, а вторая была ему незнакома. Впрочем, Миронов тут же исправил положение:

– Знакомься, Иваныч: Лариса и Марина. Если понадобится позвать обеих сразу, можешь просто крикнуть: Эл-Эм! – Девушки фыркнули от смеха, и Дмитрий повернулся к ним. – Смеяться тут нечего. Владимир Иванович человек серьезный и пустосмешек не любит. А на то, что он седой, не смотрите. Иваныч мужчина у нас в самом соку и спуску никому не даст.

– Не слушайте этого болтуна, – улыбнулся Полунин, пожимая девушкам руки. – У него ветер еще в голове свищет. Видимо, плохо ему в Гарварде мозги прочищали.

– Ну почему же не слушать? – кокетливо спросила Марина, спутница подруги Дмитрия. – Я, например, считаю, что зрелые мужчины привлекательнее таких, как Димка, юнцов. А седина мужчин только красит. Подчеркивает их шарм.

– Вы меня еще плохо знаете, – усмехнулся в ответ на комплимент Полунин. – Пообщаетесь подольше, тогда и поймете, какой я на самом деле зануда и брюзга.

– Думаю, это утверждение стоит проверить, – с полунамеком парировала Марина.

Когда, наконец, все уселись на свои места, Миронов принялся заказывать ужин, при этом проявил недюжинный вкус и такт. Все блюда, заказанные им, были достаточно легкими, чтобы не вызвать несварение желудка. А небольшие порции деликатесов, поставленные официантом на стол, стоили достаточно дорого для того, чтобы никто из присутствующих не заподозрил Дмитрия в скупости.

Вино, заказанное Мироновым, было просто великолепного качества. Однако Полунин лишь пригубил налитый бокал. Владимир и раньше почти не пил, а после операции по удалению части кишечника и вовсе старался воздерживаться от алкоголя.

Дмитрий тоже на выпивку не налегал, в отличие от обеих девушек. Полунин не стал спрашивать, кто они и как оказались на теплоходе, ему показалось, что обе женщины в подобных круизах не частые гости. Скорее всего подругам пришлось немало потрудиться, чтобы накопить денег и позволить себе посмотреть на Европу. Вот и отрывались они, что называется, по полной программе.

Миронов постоянно шутил и балагурил, рассказывая девушкам забавные истории. Естественно, очаровательный парень был центром всеобщего внимания. Полунин даже не особо удивился, когда к столу один за другим подходили незнакомые люди и поздравляли Дмитрия с окончанием Гарварда. Вполне естественно, что с такой энергией и обаянием, как у него, Миронов за неполный день успел приобрести на теплоходе массу друзей.

Ближе к полуночи Полунин собрался уходить. Он извинился перед Дмитрием, сказав, что беспокоится за сына. Антон мог проснуться ночью. Не увидев рядом отца, мальчишка непременно испугается.

– Конечно, Иваныч, без вопросов, – улыбнулся Миронов. – Иди, я не обижусь. Но завтра с утра я вызываю тебя, морпех, на состязание. Тут есть стенд для стрельбы по тарелкам. Спорю на сто баксов, что обставлю тебя в десяти выстрелах!

– Пари принимается, – Полунин хлопнул Дмитрия по протянутой ладони. – Только деньги взять не забудь. А то еще разыскивай тебя потом по всему теплоходу!..

Полунин уже пошел к выходу, когда его окликнула Марина. Она сказала, что устала, и попросила Владимира проводить ее до каюты.

Выйдя на свежий воздух, они немного побродили по палубе, болтая о пустяках. То ли хорошее вино и приятная компания подействовали на Владимира, то ли что-то другое, но Полунин неожиданно для себя самого почувствовал к девушке симпатию. Ему было приятно прикосновение ее тонкой руки и хвойный запах волос.

На несколько минут они задержались на корме, глядя на искрящийся пенный след, оставляемый на ровной водной глади мощными винтами теплохода. А затем Марина развернула к себе Полунина и впилась в его губы. В первое мгновение Владимир ответил ей, а затем отшатнулся в смущении.

«Что я делаю?! – подумал Полунин. – Как я мог забыть об Анне? Предать ее память, целуясь здесь с совершенно чужой женщиной?!»

– Что с тобой, милый? – глядя ему в лицо, удивленно спросила Марина. – Что-то не так?

– Извини, но этого не надо, – с усилием проговорил Владимир.

– Почему? – в голосе девушки проскочили нотки недовольства и нетерпения.

– Я не могу этого объяснить, – ответил Полунин и снял руки Марины со своих плеч.

– Как хочешь, – фыркнула девушка. – Но запомни, второго шанса у тебя не будет.

И, круто развернувшись, Марина пошла прочь. Несколько секунд Владимир смотрел ей вслед, а затем отвернулся и, запрокинув голову, посмотрел на звезды.

Глава третья

Путь от Бреста до Афин занял целую неделю. Следующей остановкой в туристическом круизе был Лиссабон, где отдыхающие провели целый день, любуясь красотами города, отправившего в далекий путь к неизведанным берегам многих исследователей, захватчиков и авантюристов.

Затем был Гибралтар, почти не оставивший следа в памяти туристов из-за непродолжительной стоянки. После него теплоход швартовался в Барселоне, пышной, завораживающей и крикливой. После осмотра достопримечательностей города, туристов, путешествующих в классе «А», повезли на корриду.

Однако Полунин от этого сомнительного развлечения отказался. Ему не доставляло удовольствия любоваться костюмированной пародией на скотобойню. Вместо этого они вместе с Мироновым, Ларисой и Мариной потратили три часа на поездку в небольшой пиренейский городок Кастельяр-де-Нук и прекрасно провели там время, катаясь на горных лыжах. Антон тоже был с ними.

После того памятного вечера у Полунина с Мариной установились сдержанные отношения. И хотя девушка так же мило продолжала улыбаться ему, Владимир чувствовал, что обида на него в ее душе не прошла. Впрочем, Полунина это мало волновало. Он поклялся, что никогда не изменит памяти Анны и не приведет в дом мачеху для своего сына.

После Барселоны теплоход швартовался в разгульном матросском Марселе. Причалили они поздно вечером, и суть всего экскурсионного мероприятия состояла в специфическом удовольствии от прогулок по разным значным местам. Владимира это не интересовало, и Миронову на сей раз компании он не составил.

Неаполь... Афины... Этот город меньше всех, увиденных ранее, походил на европейский метрополис. С самых первых минут он немного шокировал Полунина и продолжал держать в изумлении весь день.

Прямо на пассажирском пирсе начинался огромный базар, своим разноголосым и разноязычным гомоном сильно напоминавший восточный. Туристы, спускавшиеся с трапа, были атакованы огромной массой уличных торговцев. И Полунин даже не удивился, что большинство из них довольно сносно объяснялись на русском языке.

Продавалось на пирсе многое. Начиная от различных, но самых полных – о чем уверял каждый продавец – путеводителей, заканчивая дарами моря: раковинами, рыбой и кусочками кораллов. Но в основном все это были ширпотребные сувениры, по сути своей напоминавшие стекляшки, на которые испанские конкистадоры выменивали у индейцев золото. Стоило тут все, естественно, втридорога, даже по сравнению с ценами на огромном рынке, раскинувшемся под открытым небом сразу за пределами порта.

Этот базар и было первым, что ошарашило Полунина в Афинах. В цивилизованной и прилизанной Европе такие способы торговли давно остались в прошлом. Огромный гомонящий базар был настолько азиатским, что никак не хотел вязаться с образом Греции, составленным по учебникам истории и телевизионным репортажам. Сразу за пирсом туристов ждали несколько огромных экскурсионных автобусов.

Миронов с девушками ехал в том же автобусе, что и Владимир. Поначалу Дмитрий не хотел отправляться на экскурсию, предложив всей компании просто побродить по городу. Однако Лариса и Марина, желавшие получить от круиза максимум удовольствия, все же уговорили Миронова осмотреть афинские достопримечательности. И вот теперь они все вместе, слушая объяснения экскурсовода, любовались городом – колыбелью одной из древнейших в мире цивилизаций.

Афины заворожили Полунина. Владимир широко раскрытыми глазами, такими же, как у его сына Антошки, смотрел на проплывающие за окном пейзажи.

Первым местом, куда привезли экскурсантов, был Акрополь. Можно сказать, греческая Мекка туристов. Сооружение столь же древнее, сколь и впечатляющее. И, пожалуй, единственным в группе, кому оказалось неинтересным посещение Акрополя, был Антон. Мальчишка со скучающим видом осмотрел древние развалины и выдал свое заключение:

– Ерунда! Тут даже в прятки поиграть негде.

Услышав такое, вся группа туристов, в которой, кроме Антона, больше не было маленьких детей, дружно рассмеялась. Действительно, остатки прежде величественного строения могли представлять интерес только для того, кто хоть раз задумывался о вечности. А юность не знает такого слова. И маленький современный мальчик, смотрящий свысока на наследие предков, выглядел у Акрополя немного комично.

Владимир тоже улыбался, глядя на сына. Однако улыбка его была грустной. Мальчик с совершенно детской наивностью и непосредственностью смотрел на вещи с точки зрения их практической пользы.

Сейчас это было забавно. Но в одну секунду Полунин вдруг осознал, что и он, и большинство его знакомых именно так обычно смотрят на жизнь. Если вещь не приносит пользы, то ее стоит просто-напросто вышвырнуть вон. И иногда человеку нужно пережить сильное потрясение, чтобы начать видеть в окружающих его предметах и людях внутреннюю, скрытую красоту.

Глядя на сына, со скучающим видом осматривающего развалины Акрополя, Полунин решил для себя, что сейчас самая главная цель его жизни – привить мальчишке чувство прекрасного. Вырастить его добрым и справедливым человеком.

Пока Полунин вполуха слушал рассказ экскурсовода, Антон все же нашел себе развлечение. Чуть в стороне от того места, где остановилась их группа, спиной к ней расположились несколько художников. Не обращая внимания на суету рядом с ними, художники наносили мазки на холсты. Вот к ним и направился Антон.

Деловито пройдя между переносными мольбертами, мальчик критически осматривал то, что на них было изображено. Полунин спокойно наблюдал за сыном, готовый вмешаться, если ребенок проявит излишнюю назойливость по отношению к живописцам. Однако Антон ни к кому из них не приставал, пока не дошел до самого дальнего художника, застывшего перед почти пустым холстом.

– Дяденька, а вы почему так плохо рисуете? – строгим тоном обратился к живописцу мальчишка. – У всех картинки почти дорисованы, а у вас ничего нет. У вас что, краска кончилась?

– Нет, мысли, – выныривая из задумчивости, совершенно неожиданно на чистом русском языке ответил художник и присел перед мальчиком на корточки. – Ты откуда здесь взялся?

– На автобусе приехал, – ответил Антошка. И продолжал: – А мысли кончиться не могут. Их в каждой голове много.

– Антон, не приставай к человеку, – проговорил Полунин, подходя к художнику. – Извините его. Мы сейчас уйдем.

Живописец с улыбкой обернулся навстречу Владимиру и застыл. Застыл и Полунин, вглядываясь в его лицо. В первую секунду Полунин не поверил своим глазам – слишком невероятной была эта встреча. Однако сомнений быть не могло. Перед ним, растерянно хлопая ресницами, стоял Алексей Каширин, друг детства, с которым они не виделись бог весть сколько лет.

– Лешка! Как ты здесь оказался?

– Вовка? Ты откуда? – одновременно с ним проговорил Каширин.

На несколько мгновений оба застыли с открытыми ртами, не зная, дожидаться сначала ответа на свой вопрос или ответить самому, а затем дружно рассмеялись. Крепко пожав друг

другу руки, давние друзья обнялись, а затем, отстранившись, критически осмотрели друг друга.

Оба были настолько поглощены друг другом, что не заметили, как оказались центром всеобщего внимания. И художники, и вся туристическая группа с улыбками наблюдали за ними. Даже экскурсовод замолчал, понимая, что два друга для всех сейчас важнее древнего Акрополя. И лишь Миронов не остался сторонним наблюдателем.

– Прямо встреча на Эльбе какая-то! – проговорил он, подходя к Владимиру. – Иваныч, я смотрю, у тебя друзья по всему свету разбросаны?

– Да я и сам до сегодняшнего дня не знал, что это так, – усмехнулся Полунин.

Они не виделись около пятнадцати лет. С того самого момента, как Полунина забрали в армию после неудачной попытки поступить на исторический факультет Тарасовского университета. Первые полтора года службы Владимира они еще переписывались, а затем Каширин уехал в Москву. И они потеряли связь друг с другом.

После того как Полунин, сидя в зоне, не получил от Алексея ни одного письма, в душе Владимира надолго угнездилась обида на друга. Сначала Полунин посчитал, что письма просто не доходят до него. Затем решил, что Каширин хотел откреститься от своей дружбы с уголовником. А затем махнул на все рукой и перестал думать об этом. Лишь изредка, одинокими ночами, Полунин вспоминал их дружбу, и его охватывала легкая грусть.

На протяжении этих пятнадцати лет Владимир несколько раз, впрочем, не слишком настойчиво, пытался узнать об Алексее хоть что-нибудь, но след Каширина потерялся. И даже родители Алексея не знали, где он и что с ним. И вот теперь, в самый неожиданный момент, их пути пересеклись. Полунин растерянно стоял рядом со старым другом и не знал, что сказать ему.

А вот Миронов обладал невероятной способностью поддерживать разговор в любой ситуации и с любым человеком. Дмитрий постепенно втянул в беседу и Полунина. И скоро два друга детства несколько подзабыли о той неловкости, что охватила их при встрече после такой долгой разлуки.

Остальные члены туристической группы постепенно утратили интерес к трем мужчинам и ребенку, стоявшим в отдалении у складного мольберта. Экскурсовод вновь продолжил свой рассказ о Древней Греции вообще и Акрополе в частности. Миронов тоже решил оставить друзей наедине.

– Иваныч, я так думаю, вам где-нибудь посидеть нужно? – вопрос прозвучал полуутверждением. – Я пойду, а то у меня девчонки уже заскучали. Мы здесь сутки стоять будем, так что можешь особо не торопиться. Давай вечером, часиков в десять-одиннадцать, встретимся в кабачке «Плеяды». Он рядом с портом. Мы мимо него на автобусе проезжали.

– Заметано, – усмехнулся Полунин. – Так уж и быть, угощу тебя на твои сто баксов, что ты мне в стрельбе проиграл.

– Угости, угости! – рассмеялся Дмитрий. – Просадим их, а потом я у тебя стошку обратно отыграю. В прошлый раз у винтовки курок слишком тугой был. Я к таким не привык.

– Знаешь, что хреновому танцору мешает? – поинтересовался Владимир. – А у хренового стрелка то спуск тугой, то мушка со ствола улетает.

– Слушайте, мужики, – вмешался в разговор Каширин. – А может, вместе все посидим? Ты, Дима, девушек с собой возьмешь. А?..

– Да нет, я им кое-что показать обещал, – покачал головой Миронов. – Ты не обижайся, Алексей. Вечером придешь в кабачок Иваныча провожать, тогда и посидим вместе...

На том и порешили. Дмитрий попрощался с обоими до вечера и поспешил присоединиться к остальным туристам.

– Вот мы и встретились, наконец, Володька, – улыбнулся Каширин. – А знаешь, я в последнее время о нашей тарасовской компании все чаще и чаще вспоминаю. Даже сам не знаю, отчего. Старею, наверное.

– Да уж, понятно, не молодеешь, – хмыкнул Полунин. – А вспоминаешь от того, что тогда нам и мир казался чище, и краски ярче, и солнце светлее. Забот было меньше. Можно сказать, одна проблема и была: как Таньку поделить и с другом не поругаться!

– Кстати, как там она? – поинтересовался Каширин. – Слышал что-нибудь о них с Ритой?

– Слышал, – лицо Полунина потемнело. – И видел. Но давай поговорим обо всем где-нибудь в более спокойном месте.

– Поехали ко мне домой, – заторопился Алексей и стал собирать мольберт. – Посмотришь, как я живу, и, кстати, познакомишься с одним интересным человеком. Мне почему-то кажется, что вы с ним сильно похожи.

– Домой? – удивленно переспросил Владимир. – Так ты тут живешь? А я думал, что так же, как и мы, на экскурсию приехал.

– Нет, Володя, я тут живу, – грустно улыбнулся Каширин. – Ладно, поехали. По дороге все расскажу...

Сборы не заняли слишком много времени. Алексей быстро снял недописанный холст с мольберта, сложил стойки и принялся укладывать все в чехлы. Антон, понаблюдав за Кашириным несколько секунд, принялся деловито помогать ему.

– Твой? – кивнув головой, спросил Алексей у Полунина.

– Мой, – улыбнулся Владимир.

– Хороший пацан, – Каширин потрепал Антона по волосам. – Кстати, а где твоя супруга? Она с тобой в круиз не поехала? Работа?

– Нет, – Антон опередил Полунина. – Маму убили. И перестаньте вы все об этом спрашивать.

– Господи, боже мой! Я же не знал, – испуганно пробормотал Алексей. – Извини, малыш. Мне очень жаль.

Антон ничего не ответил. Он отпустил угол чехла мольберта, который держал, помогая Каширину укладывать распорки, и, подойдя к отцу, уткнулся ему лицом в живот. Полунин наклонился и начал гладить мальчишку по голове.

– Извини, Володя, – снова пробормотал Каширин, глядя на Антона.

– Ладно, – через силу улыбнулся Полунин. – Так мы едем к тебе или так и будем тут стоять?..

По дороге домой Каширин, стараясь загладить свою невольную вину, настоял на том, чтобы заехать в магазин игрушек. Полунин попытался отказаться, но Алексей был непреклонен. Он остановил свой довольно пошарпанный «Опель» около ближайшего детского магазина и повел все еще расстроенного Антона выбирать себе подарок.

Мальчик долго не раздумывал и мгновенно указал на детский электромобиль, стилизованный под джип. Стоил он, в переводе на доллары, около пяти сотен. И даже если бы Каширин не замялся, доставая из кармана кредитную карточку, Владимир все равно не позволил бы другу приобрести эту игрушку.

– Антон, ты меня удивляешь, – проговорил он, наклоняясь к сыну. – Нас с этой машинкой на корабль не пустят. К тому же точно такую я могу тебе и дома купить. Попроси лучше у дяди Леши что-нибудь такое, что есть только здесь.

– Ладно, – серьезно согласился Антон и обвел взглядом прилавки. – Тогда я хочу вон тех солдатиков.

Мальчишка показал на нескольких великолепно выглядевших древнегреческих воинов с полной амуницией. Куклы были сделаны так, что могли менять позы самым разнообразным

образом. И оружие, и доспехи с них можно было снять. Стоили солдаты недорого, и после их покупки мир между Антоном и Кашириным был восстановлен.

После визита в магазин Алексей рассказал Полунину о себе. Он поступил в Московский институт культуры на художественный факультет. Быстро и весело пролетели денечки студенческой жизни, и Каширин, надеявшийся на великое или, по крайней мере, безбедное будущее, оказался у последней черты отчаяния. Той, за которой остается только петля, натертая мылом.

Художник Каширин оказался никому не нужен. Алексея, с его оригинальной графикой, конечно же, приглашали кое-куда на работу. Но мечтавшему о создании вдохновенных полотен Каширину претило делать грошовые логотипы на визитки или расписывать витрины магазинов, готовя их к многочисленным русским и прочим праздникам.

Алексей уже совершенно потерял надежду на что-то хорошее, когда на одной из выставок, которые они с друзьями-коллегами сами и организовывали на чьей-нибудь квартире, он не познакомился с Еленой Юсуповой. Женщина была красива и образованна. Она мало походила на тех девушек, с которыми приходилось встречаться Каширину. К тому же была княжеского рода и жила в Греции. Все это вместе заставило Алексея закрыть глаза на разницу в возрасте и сделать Елене предложение.

– Так, значит, ты ее не любишь? – спросил Полунин. Каширину послышались в его словах нотки иронии.

– Вовка, а что такое «любовь»? – горячо заговорил художник. – Если это подразумевает уважение к человеку и его желаниям, самопожертвование и терпимость, то тогда могу с уверенностью сказать, что я люблю Елену. А если в твоём понимании любовь – это безудержная страсть, чувство собственника и благоговейный трепет от каждого прикосновения объекта обожания, то тогда я жену не люблю.

– Не знаю, Леха, – пожал плечами Полунин. – По-моему, любовь это и первое, и второе. А может быть, ни то, ни другое. Я не могу этого понять, да и вряд ли есть человек на свете, способный дать точное определение любви. Но сейчас для меня вся суть этого чувства выражается в одной фразе: желание быть вместе. Всегда и во всем. И если этого желания нет, я и не знаю, стоит ли жить тогда рядом с женщиной.

– Ну вот мы и приехали, – проговорил Каширин вместо ответа. – В этой двенадцати-этажке я и живу.

Каширин махнул рукой на дом правее от себя и через несколько секунд свернул с дороги, направляя машину в подземный гараж. Остановив «Опель» на стоянке с номером своей квартиры, Алексей заглушил двигатель.

Квартира у Каширина, по здешним меркам, была очень простенькой – четыре комнаты, из которых одна была оборудована под мастерскую, и никаких излишеств. Полунин немного удивился этому. Ему казалось, правнучка князя должна жить в более роскошной обстановке. С обязательным дворецким на пороге.

– Вот так я и живу, – заметив реакцию Полунина, немного грустно проговорил Алексей, обводя руками помещение. – Но это все-таки лучше, чем жить в России и не иметь своего угла. К тому же здесь я имею возможность писать картины и иногда продавать их...

– Алекс, ты с кем там разговариваешь? – раздался с кухни мелодичный голос. – У нас гости?

Его обладательница почти тут же появилась на пороге кухни. Она была одета в простенький халат, великолепно подчеркивающий ее немного полноватую, но все равно очень привлекательную для ее возраста фигуру. Увидев Полунина, женщина растерянно замерла.

– Алекс, я же просила тебя предупреждать меня, когда приводишь к нам гостей, – тоном школьной учительницы отчитала Елена мужа и, повернувшись к Полунину, протянула ему руку. – Здравствуйте. Меня зовут Елена.

Владимир немного растерялся. И раньше никогда не бывший галантным кавалером, Полуниин просто не знал, что ему делать. Целовать руки женщинам он считал излишне жеманным, а пожимать их не любил, видя в рукопожатии прерогативу мужчин.

И сейчас Полуниин почувствовал неловкость. Все-таки перед ним была аристократка, представительница древнего российского княжеского рода. Внезапно Владимир осознал, что чувствует перед этой женщиной некоторое благоговение и в то же время разочарование – правнучка князя в стареньком халате казалась Полуниину нонсенсом.

Чтобы скрыть свое смущение, Полуниину только и оставалось, что неловко взять руку Елены в свою широкую ладонь и, склонившись к ней, коснуться кисти губами. Пробормотав свое имя, Владимир распрямился и, к своему удивлению, увидел, как Елена бросила торжествующий взгляд на мужа.

– А вас как зовут, молодой человек? – женщина посмотрела на сына Полуниина.

– Антон, – серьезно ответил мальчик. – Приятно познакомиться.

Женщина рассмеялась и повернулась к Каширину.

– Алекс, проводи мужчин в гостиную, – распорядилась она. – Сейчас я приведу себя в божеский вид и составлю вам компанию. Можете пока немного выпить. Только оставьте рюмочку и для меня!

Как только Елена ушла, Каширин, прежде чем достать бутылку виски из бара, подошел к телефону. Он набрал какой-то номер, стоя спиной к Полуниину, и попросил кого-то срочно зайти к нему. Только после этого Алексей открутил крышку с початой бутылки виски и разлил его в два высоких стакана, добавив сверху содовой и по два кубика льда.

– А я, Леша, давно уже почти ничего не пью, – покачал головой Полуниин.

– Что так? – удивился Каширин. – Принципиально воюешь с алкоголем?

– Нет, – грустно улыбнулся Владимир.

Полуниину пришлось рассказать об операции на кишечнике, проведенной ему в захолустном поволжском городке. Как ни избегал Владимир этой темы, но ему пришлось рассказать и о судьбах их давних друзей – Риты Слатковской, отец которой и поспособствовал получению Полуниным судимости, и Таньки Коробковой.

Поначалу проблемы с кишечником у Полуниина врачи приняли за рак. Владимир, решив, что ему осталось жить на этом свете считанные дни, поехал в родной Тарасов, чтобы поквартироваться с людьми, посадившими его в тюрьму, где после жесточайшего избиения охраной Полуниин и получил тяжелейшую травму, приведшую, как он считал, к раку кишечника.

Владимир несколько лет не был в родном городе и после предательства Риты не интересовался ее судьбой. Но в Тарасове он невольно столкнулся с массой знакомых. В том числе с Ритой Слатковской и Татьяной Коробковой.

Судьба всегда любила преподносить Владимиру сюрпризы. И, закончив свои дела в Тарасове, он узнал, что Рита почти окончательно спилась, не выдержав разрыва с мужем и угрызений совести из-за своего предательства Полуниина. А Татьяна стала любовницей отца Риты. Более того, родила ему ребенка.

Каширин, широко раскрыв глаза, слушал историю Владимира, почти не перебивая его. Он даже не заметил, что к концу рассказа в гостиную вошла Елена и тихо остановилась в дверях. Когда же Полуниин замолчал, Алексей покачал головой.

– Да, дела! – пробормотал он. – Я-то думал, что это меня судьба сильно потрепала. А вам, как посмотрю, побольше меня от нее досталось.

– Вот и не жалуйся теперь, что у тебя жизнь плохая, – улыбнувшись, с легким акцентом проговорила Елена. – Лучше налей мне немножко бургундского. Выпью с вами за знакомство. Но больше никому ни капли, пока не пообедаем.

– Лена, я Александра пригласил к нам, – доставая новую бутылку из бара, проговорил Каширин. – Хочу его с Владимиром познакомить.

– Ради бога, – улыбнулась Елена. – Только если этот разгильдяй опять начнет бахвалиться, я немедленно от вас уйду. Лучше посмотрю мыльную оперу.

До самого появления Александра Юсупова, брата Елены, разговор между хозяевами и неожиданным гостем велся на совершенно нейтральные темы. Иногда Владимир пытался перевести разговор на обсуждение творчества Каширина, но Алексей яростно противился этому. Собственные картины ему всегда казались совсем не стоящими внимания.

Юсупов показался Владимиру очень приятным человеком. Он был старше Полунина на несколько лет. Но при этом производил впечатление очень живой, молодой и вечно растущей натуры. От этого казалось, что было в Юсупове что-то общее с Димой Мироновым. Однако, присмотревшись внимательней, Полунин понял, что Александр намного глубже и тонченнее, чем желает казаться окружающим.

– А позвольте узнать, Владимир, – почувствовав, что первая напряженность от знакомства пошла на убыль, поинтересовался Юсупов. – Чем вы занимаетесь в России? У вас свой бизнес или вы зарабатываете деньги при помощи мафиозных структур?

– Фи, Саша! – фыркнула Елена. – Тебе не кажется такая постановка вопроса несколько некорректной?

– Отчего же? – Александр пожал плечами. – Насколько мне известно, сейчас в России возможно заработать определенный капитал только этими двумя способами. Причем их иногда очень трудно отличить друг от друга. Поэтому я не считаю, что сказал что-то непотребное. Ну, а если господин Полунин не хочет отвечать на этот невинный вопрос, то я не настаиваю.

– Ваш вопрос абсолютно корректен. У меня действительно небольшое собственное дело в одном сибирском городке. И до недавних пор весь мой бизнес был тесно связан с криминальными структурами, – ответил Полунин.

– До недавнего времени? – переспросил Юсупов. – Как это понимать? Вы стали святым?

– Александр! – снова прикрикнула на него старшая сестра. – Будь, пожалуйста, внимательней к своим словам...

– Хорошо, постараюсь, – покорно проговорил Юсупов и повернулся к Полунину. – Владимир Иванович, все же ответьте на мой вопрос. Как понимать вашу фразу о прекращенном контакте с криминальными структурами? Вы действительно приняли постриг или стали настолько сильным, что можете не обращать внимания на рэкетиров?

– И да, и нет, – ответил Владимир. – Силы и влияния у меня достаточно, чтобы не платить никому дань. Однако дело не в этом. Просто я считаю, что за любое противоправное действие, идущее вразрез с общественными нормами и собственной совестью, придется когда-нибудь платить. И цена этому будет очень велика.

– Вот как? – удивился Юсупов. – Интересная точка зрения. Но не практичная. И я удивлен тем, что именно вы ее высказали. Поскольку, Владимир, вы мне показались человеком серьезным. Законы создаются такими же, как вы, людьми. И почему именно их, а не ваши действия должны считаться эталоном общественных норм? Вы же не испытывали угрызений совести, убегая на футбол с опостылевших уроков? Так почему вы считаете непотребным преступить придуманный кем-то закон?

– Красиво говорите, Александр, – усмехнулся Полунин. – Только вот мне непонятно, на чем основываются ваши собственные убеждения?

– На личном опыте, Владимир, – посмотрев прямо в глаза Полунина, проговорил Юсупов. – Преступать закон мне приходилось неоднократно. Потому что я вор!

– Ну вот, начинается! – воскликнула Елена, поднимаясь из-за стола. – Не думаю, Саша, что этим можно бахвалиться перед посторонним человеком!

Женщина резко повернулась и пошла прочь из комнаты. На несколько секунд и Юсупов, и Каширин обратили свои взоры на нее, что позволило Владимиру прийти в себя.

Полунин оказался в некотором шоке. Он ожидал от Юсупова всего, чего угодно, только не признания в своей преступной деятельности. Впрочем, когда мужчины переключили свое внимание с Елены на него, Владимир уже смог справиться со своими эмоциями.

– Вас это удивляет? – поинтересовался у него Юсупов, имея в виду свое заявление. – Почему?

Полунин не нашел, что ответить. Он только пожал плечами и постарался скрыть остатки своего смущения, сделав небольшой глоток виски из стакана. Каширин в это время с интересом наблюдал за реакцией своего старого друга.

Алексей уже привык к эксцентричности поведения Юсупова. И ему было любопытно, как к такому откровению отнесется Полунин. Раньше, насколько помнил Каширин, удивить Владимира чем-нибудь было трудно. По крайней мере, трудно было заставить его выказать свое удивление. Однако сейчас Полунину едва удалось взять эмоции под контроль. И Каширин только в этот момент понял, как сильно изменила жизнь его друга.

– А вот я могу рассказать, почему меня удивляет ваша позиция, – совершенно не обращая внимания на Алексея, проговорил Юсупов. – В отличие от меня, вы живете в России всю сознательную жизнь. Опять же, в отличие от меня, вы постоянно сталкиваетесь с российскими законами. Насколько мне известно, успели даже пострадать от них. Однако вы заявляете, что теперь для вас они стали непререкаемы. Словно библейские заповеди.

– Вот тут вы правы, Александр, – усмехнулся Полунин. – «Не убий», «не укради» и тому подобные извечные истины лежат в основе любого закона. Каким бы корявым он ни был. Но если мы станем преступать закон, вместо того чтобы заставить его работать согласно этим извечным принципам, то что тогда останется от различий между человеком и зверем?

– Многое! – горячо возразил Юсупов. – И в первую очередь ваши внутренние самоограничения. То, что вы, Владимир, назвали совестью. Именно она должна стать нашим законотворцем и судьей. И, прислушиваясь именно к ней, следует наказывать тех, кто не хочет жить по законам совести...

– А позвольте узнать, Александр, – язвительно перебил Юсупова Владимир. – Кто будет выявлять этих самых нарушителей?

– Ну, уж точно не те, кто пишет сейчас законы, – усмехнулся Александр. – И я не почувствую себя плохо, если изыму у них часть сбережений и потрачу их на собственных детей...

– Так, ребята! – встрял в разговор Каширин. – По-моему, вам пора сменить тему. У вас в этом вопросе прямо антагонизм какой-то возник.

И Юсупов, и Полунин с этим согласились, оставшись, однако, каждый при своем мнении. Полунин больше не спорил с ним. Он просто слушал Юсупова, усмехаясь и внутренне надеясь, что этому человеку повезет в жизни и к нему не придет большая беда. Такая, как гибель любимой женщины из-за его жизненных принципов.

Юсупов рассказал, что он, когда ощущает нехватку денег, просто организует ограбление. Причем ворует у тех людей, для которых потеря нескольких десятков тысяч не станет смертельным ударом.

Награбленные суммы Юсупов никогда не проматывал в карточных играх или иных порочных развлечениях. Он безбедно на них жил, вкладывая какую-то часть в бизнес, чтобы обеспечить в дальнейшем своей дочери и сыну достойное потомков древнего рода существование.

– Кстати, одна такая фирма существует в Москве, – проговорил Юсупов. – Я открыл там небольшое совместное предприятие, занимающееся оптовой торговлей французскими винами и греческими коньяками. Будете в Москве, заходите. И вы увидите, Владимир, что я тоже иногда могу играть роль законопослушного гражданина.

– Давайте все же сменим тему! – взмолился Каширин. – А то как у тех лесорубов получается: в лесу о бабах, с бабами о лесе!

Больше в тот вечер они к обсуждению жизни Юсупова не возвращались.

Глава четвертая

За разговорами в доме Каширина время пролетело незаметно. Полунин едва вспомнил, что иногда нужно посматривать на часы. И как раз вовремя. До назначенной встречи с Мионовым оставалось чуть больше получаса. Извинившись, Владимир начал собираться.

– Да не волнуйся ты так, – успокоил Полунина Алексей. – Времени вполне достаточно. Сейчас я тебя сам туда отвезу.

Юсупов тоже стал собираться. Но сначала и он извинился за то, что не может сопровождать Полунина до трапа теплохода. Александр сослался на кое-какие дела, и Владимир понимающе кивнул головой. Перед уходом Юсупов оставил Полунину визитку с реквизитами своей московской фирмы и категоричным тоном потребовал навестить его там. Или по крайней мере сообщить о себе, когда Владимир приедет в Москву.

Полунин согласился, и не только из вежливости. Юсупов чем-то импонировал ему. То ли непосредственностью и желанием называть вещи своими именами, то ли Владимиру просто хотелось доказать этому русскому греку, что на его отчизне возможно торжество закона. Полунин не задумывался об этом. Он просто хотел встретиться с Александром, когда не будет так ограничен во времени, и продолжить принципиальный спор.

Позиция Юсупова относительно закона и его трактовка правомочности воровства чем-то напоминали Владимиру его собственную недавнюю точку зрения. Почти до самой смерти Анны Полунин занимался угоном машин и не считал этот способ наращивания капитала подлым и несправедливым. Однако контакты с преступным миром рано или поздно требуют от любого человека дани. И этой данью для Полунина стала гибель жены. Владимир не хотел, чтобы Юсупова постигла похожая кара.

Собственно говоря, Полунин не понимал, отчего его так заботит судьба этого до сегодняшнего дня совершенно постороннего ему человека. Владимир пытался себя убедить, что ему нет никакого дела до того, чем Юсупов заплатит за постоянные игры с судьбой, но ничего из этого не вышло.

Полунин чувствовал просто неодолимую потребность обратить Александра в свою веру. Ничего с этим желанием сделать Владимир не мог. И поэтому просто принял его как должное. Как начало возвращения к нормальной жизни. Той самой, где воровство – грех и где ничто не может служить оправданием совершенного ради корысти преступления.

– Я непременно позвоню, – заверил Полунин Александра, прощаясь с ним в дверях. – Думаю, наш разговор еще не закончен.

– Я тоже так считаю, – улыбнулся Юсупов. – И очень надеюсь, что у меня будет шанс доказать свою правоту.

Несколько секунд Полунин смотрел вслед удаляющемуся Александру, а затем вернулся к сыну. Антон во время мужского разговора заскучал и устроился на полу около дивана играть в своих новых солдатиков. К тому времени, как Полунин собрался ехать на встречу с Мионовым, мальчишка уже успел провести пару нешуточных сражений между ними.

– Собирай свои игрушки, Антон, – скомандовал сыну Владимир. – Сейчас к дяде Диме поедem.

Елена осталась дома, предоставив мужчинам возможность побыть наедине. К тому времени, когда Каширин и Полунин с сыном спустились вниз, Юсупов уже выезжал из подземного гаража. Моргнув друзьям на прощание фарами, его сверкающий никелем и хромом «Форд» скрылся в бетонном тоннеле.

– Бедовый он, – пробормотал Каширин, глядя вслед Александру. – Но везучий, паршивец!

– Везение не бывает вечным, – хмыкнул в ответ Полунин. – Фортуна – очень привередливая дама.

Каширин сел в машину и завел мотор. После убийства Анны Полунин никогда не оставлял сына одного. Поэтому и не сел на переднее сиденье, предпочитая ехать сзади, чтобы успеть закрыть собой мальчика, если это понадобится. Алексей или не обратил на это внимания, или просто сделал вид, что не заметил. Он просто нажал на педаль акселератора и поехал к выходу, рассказывая Полунину забавные случаи из своей греческой жизни.

Почти всю недолгую дорогу до бара «Плеяды» Полунин молчал, предпочитая слушать Алексея. Каширина это вполне устраивало, и он говорил, совершенно не умолкая. Лишь вырывая на стоянку у бара, Алексей прекратил свои словоизлияния, вызванные лишней рюмкой виски, и вопросительно посмотрел на Полунина.

– Здесь, что ли? – поинтересовался он.

– По-моему, да, – пожал плечами Владимир, выбираясь из машины. – По крайней мере, утром мы точно здесь проезжали на автобусе.

Каширин запер свой «Опель» и поспешил догнать Полунина с сыном, уже перешедших через дорогу и подходивших к дверям бара. Владимир собрался открыть стеклянную дверь и войти, как Антон вдруг вспомнил, что забыл солдатиков в машине.

– Сейчас я принесу, – предложил Каширин и отправился назад к «Опелю». А Полунин именно в этот момент увидел Миронова.

Владимир уже хотел окликнуть Дмитрия, но увидел, что к нему подходят двое мужчин. Полунин удивленно наблюдал за ними через стеклянную дверь, гадая, кто бы это мог быть. Мужчины явно не являлись пассажирами туристического теплохода, а Миронов не сказал, что у него в Греции тоже есть знакомые.

Один из мужчин остался чуть в стороне, а другой подошел вплотную к Дмитрию и похлопал его левой рукой по плечу. Одновременно с этим жестом незнакомец быстрым движением достал из кармана кожаной куртки пистолет и приставил его к левому боку Миронова, почти скрыв оружие в рукаве куртки.

– Ну-ка, беги к дяде Леше, – Полунин, не сводя глаз с Миронова и незнакомцев, подтолкнул сына к «Опелю».

– Зачем? – удивился мальчик.

– Я сказал тебе, беги, – приказал Владимир и обернулся в сторону Каширина. – Лешка, возьми пацана и садись в машину. Быстро!

– Что случилось? – испуганно спросил Каширин, высовываясь из «Опеля».

– Делай, что я говорю! – рявкнул Полунин, и его тон подействовал на друга лучше всяких уговоров. Алексей подхватил подбежавшего мальчишку на руки и засунул его в салон автомобиля. А следом забрался и сам, удивленно глядя на Полунина.

Никто в баре не обратил внимания на происходящее у стойки. Посетителей было и так немного, да к тому же почти все занимали столики в зале, а Миронов стоял почти у входа. Незнакомый заслонил его своей спиной от остальных людей, и руку с оружием было видно только с улицы.

Полунин не сводил с них глаз, пытаясь принять единственное правильное решение. Он почти мгновенно один за другим просчитывал варианты действий и все отменял.

Поднимать тревогу было бессмысленно, поскольку Дмитрий просто оказался бы в заложниках у бандитов. Войти в бар и попробовать атаковать незнакомцев тоже было глупо. Ведь вооружен наверняка и второй. И прежде чем Владимир доберется до Миронова, неизвестный проделает в нем пару лишних дырок.

Полунину оставалось надеяться лишь на то, что он сумеет спасти Дмитрия, когда бандиты выведут его из бара. А в том, что это случится, Владимир не сомневался. Если бы Миро-

нова хотели ограбить, то делали бы это, конечно же, не в баре. А если его собирались убить, то не стояли бы рядом с ним и не разговаривали.

Полунин быстро осмотрелся, словно надеясь отыскать поблизости подсказку для решения проблемы. А когда он повернул голову к бару, то увидел, что бандиты повели Миронова к выходу. Причем первым вышел тот из незнакомцев, что стоял в стороне. А затем второй вывел на улицу Миронова. Владимир стремительной шатающейся походкой, изображая пьяного, метнулся к ним наперерез и врезался плечом в Миронова. Дмитрий удивленно посмотрел на него, что-то хотел сказать, но Владимир его опередил:

– Вы, козлы греческие, не видите, куда прете? – заплетающимся языком прорычал он. – Твари вонючие, волки позорные! Ходят тут, как хозяева жизни.

– Ни хрена себе, – удивился тот незнакомец, который вел Миронова. – Тут че, одни русские, что ли, обитают? Вали отсюда, урод синий!

– Это я урод?! – заревел Полунин и со всего размаха врезал Миронову в челюсть.

Дмитрий такого развития событий никак не ожидал, поэтому даже не попытлся защититься. От удара Полунина он тут же закатил глаза и начал сползать на тротуар.

Тот бандит, который вел Миронова, тоже не ожидал от Полунина такой стремительности. От растерянности, вместо того чтобы отпустить Дмитрия и ткнуть пистолет в рожу перепившего наглеца, он сделал все наоборот – попытался не дать Миронову упасть, подхватив его под руки. Пистолет от почек Дмитрия бандит поневоле убрал.

Полунин не дал незнакомцу времени на то, чтобы успеть принять верное решение. Вторым быстрым ударом он отбросил бандита обратно к двери. Тот выпустил из рук и Миронова, и пистолет, схватившись обеими руками за сломанный нос. Владимир подхватил оружие на лету и вторым ударом рукояткой буквально вбил незнакомца в застекленную дверь. Рассыпав вокруг себя осколки стекла, бандит ввалился в бар, теряя на лету сознание.

Все это Полунин проделал столь стремительно, что второй из незнакомцев успел обернуться на шум драки только тогда, когда Владимир уже поймал пистолет. Вскинув вверх руку с оружием, Полунин нацелил ствол прямо в голову незнакомца.

– Руки подними, – совершенно спокойно приказал Владимир. – Быстро.

– Ну, я тебя запомню. Я тебя под землей найду, – поднимая руки, прошипел бандит и тут же захрипел, согнувшись пополам от мощнейшего удара в солнечное сплетение.

Полунин сверху добавил ему рукояткой пистолета. Удар пришелся прямо по темечку, и незнакомец свалился на асфальт, даже не успев вскрикнуть. Владимир быстро обыскал его и, достав из кармана второй пистолет, засунул его за ремень. Затем, увидев, что часть посетителей бара устремляется на улицу, подхватил под руки недвижимого Миронова и потащил его к машине.

– Быстро уезжаем! – приказал он Каширину, заталкивая Дмитрия на заднее сиденье.

Старенький, но отлично отлаженный «Опель» рванул с места так, словно всю жизнь был гоночной машиной. Полунин тем временем похлопал Миронова по щекам, пытаясь привести его в чувство. Дмитрий застонал и открыл глаза.

– Ну вы, блин, даете, – голосом генерала Михалыча из популярного отечественного фильма проговорил он и сел, потирая разбитую челюсть. – Что это было?

– Это мой папа тебя уложил, – сообщил Антон. – Классно он дерется?

– Еще бы, – хмыкнул Миронов. – Только жаль, что я этого не видел. Видеокамеру, случайно, никто не прихватил?

– Молчи, остряк, – усмехнулся Владимир. – Кто были эти уроды? Что им было нужно?

– Сам бы хотел знать, – Дмитрий тяжело вздохнул. – Попили пивка, называется!

Оказалось, что Миронов только что пришел в бар. Девушек он с собой не брал, потому что ездил к какому-то – Полунин подозревал, что не к какому-то, а к какой-то – своему зна-

комому. Пробыл там до вечера и, придя в «Плеяды», тут же заказал пиво. Но выпить его не успел: к нему подошли эти двое.

Первый назвал его по имени и, приставив пистолет к боку, потребовал вести себя паинькой. Ничего объяснять Миронову он не стал, приказав идти на улицу и не дергаться. На вопрос Дмитрия, что ему нужно, незнакомец ответил тычком пистолета в бок. Больше Миронов решил ничего не спрашивать. Дмитрий уже приготовился к самому худшему, когда появился Полунин.

– Вот такие пироги, Иваныч, – развел руками Миронов. – Извини, что не настоял на интервью с этими козлами. Непременно постарался бы разузнать об их жизни побольше, да забыл дома бронежилет!

– Володя, ты что с пушками собираешься делать? – полуобернувшись, поинтересовался Каширин. Полунин пожал плечами.

– Сотру свои пальчики и выброшу в ближайшую мусорку, – хмыкнул он. – Не на корабль же их тащить.

– Не надо. Оставь в машине, – предложил Алексей. – В мусорном баке их может шпана какая-нибудь найти. Беды потом не оберешься. А я вас в порт отвезу и на обратном пути утоплю их в заливе...

Полунин согласился, и Каширин развернул машину, направляясь другой дорогой обратно к порту. У ворот они попрощались. Владимир пообещал Алексею непременно по возвращении домой написать или позвонить ему. Они обнялись.

– Рад был увидеть тебя, – пробормотал Каширин. – Не пропадай, Вовка!

– Конечно. Еще увидимся, – хмыкнул Полунин и, круто развернувшись, направился к пирсу.

– Спасибо за помощь, – Миронов протянул Алексею руку.

– Не за что, – грустно улыбнулся тот. – В следующий раз в бар без бронежилета не ходи...

Дмитрий догнал Полунина с Антоном почти у самого трапа теплохода. Вместе они прошли в каюту Миронова, не обменявшись и двумя словами по дороге. И лишь закрыв за собой дверь, Дмитрий вздохнул с облегчением.

– Я у тебя в долгу, Иваныч, – пробормотал он. – Даже не знаю, как тебя отблагодарить.

– Ничего, я что-нибудь потом придумаю, – отшутился Полунин и указал Дмитрию на сотовый телефон, лежавший на кровати. – Сейчас же звони отцу. Расскажи ему...

Дмитрий пожал плечами, не желая возражать Полунину. Впрочем, парень и сам был сильно испуган, хотя и не подавал виду. Всю жизнь он старался держаться подальше от знакомых отца, и до сих пор все разборки в преступном мире обходили его стороной.

Парень умудрился даже ни разу не подраться за всю свою жизнь. Рос в тепличных условиях. Однако Миронов проявил в опасной ситуации столько самообладания, что Полунин невольно зауважал его еще сильнее...

Выслушав рассказ сына, Мирон просто озверел.

– Войны, значит, захотели? Я им устрою крутые разборки!

– Что происходит, отец? – попытался разузнать Дмитрий. – Кто захотел войны?

– Не твое собачье дело! – Мирон рывкнул в трубку так, что даже Полунин услышал его фразу. – Езжай на теплоходе в Стамбул и сиди там до тех пор, пока я не разрешу вернуться. На пирсе тебя встретят двое моих парней. Свяжешься со мной и дашь им трубку. И чтобы один носа никуда не высовывал! А я пока с этими козлами разберусь...

Дмитрий хотел что-то возразить, но его отец уже отключил связь. Миронов в сердцах сплюнул и бросил сотовый обратно на кровать. Полунин с усмешкой посмотрел на него.

– Думаю, в этот раз тебе лучше послушаться отца, – посоветовал он. – Сиди тихо, и все обойдется.

– Да, хороший у меня отпуск получается, – Миронов развел руками. – Может, мне и не стоило из Англии уезжать?

Полунин ничего не ответил.

* * *

За весь рейс от Афин до Стамбула Миронов-старший лишь раз позвонил на корабль сыну. И то разговаривал он больше с Полуниным, чем с Дмитрием. Мирон поблагодарил Владимира за спасение сына и предложил принять участие в одной афере с акциями, которая могла принести большие деньги.

– Я не играю больше в эти игры, Мирон, – спокойно ответил Владимир на предложение, которое раньше вряд ли бы оставил без внимания. – Всех денег не заработаешь и не награбишь. Я хочу жить спокойно и дать сыну возможность успеть повзрослеть.

– А ты изменился с момента нашей последней встречи, – удивленно пробормотал вор в законе. – Похоже, Сатаров тебя сломал. Ты же авторитет у себя в городе. Неужели все бросишь и станешь жить, как последний фраер?

– Это мое личное дело, Мирон, – холодно отрезал Полунин. – Спасибо тебе за предложение, но еще раз повторю, что я его не приму.

– Дело твое, – хмыкнул Миронов. – Передумаешь, звони...

На этом разговор и закончился. Дмитрий внимательно следил за Полуниным. Он прекрасно знал, что Владимир зарабатывает деньги не совсем законными способами, и его отказ от предложения Мирона его удивил. Он одобрял поступок Полунина и восхищался его решимостью окончательно порвать со своим прошлым. Однако парень никак не выразил своих чувств.

Стамбул встретил российский теплоход отвратительной погодой. Небо над городом затянуло тучами, которые проливались на улицы мелким морсящим дождем. Купола мечетей и минареты скрывались за этой дождевой завесой, словно лик восточной красавицы под паранджой.

Теплоход остановился в Стамбульском порту ровно на сутки. Полунин, желавший показать город сыну, поехал вместе с ним в экскурсионном автобусе, оставив Миронова на попечение двоих охранников, которых прислал его отец. Впрочем, прежде чем окончательно расстаться, Дмитрий и Владимир провели веселый вечер на борту теплохода в ресторане для пассажиров класса «А». Под присмотром новых телохранителей Миронова, естественно.

Расстались они под утро. А вечером следующего дня теплоход взял курс на Новороссийск – последний порт в этом круизе вокруг Европы. Полунин, не любивший долгие проводы, попросил Дмитрия не приходить к отправке. И Миронов, вдвойне зауважавший его после всего происшедшего в круизе, подчинился.

В общем-то, довольно приличный по российским меркам город Новороссийск показался Полунину после красот Европы ужасно грязным и запущенным. Словно старый деревенский дом после шикарной евродизайновой городской квартиры. Однако здесь была уже Родина. И только ступив на родную землю, Полунин понял, как тоскливо Каширину в Греции и отчего Алексей так часто стал вспоминать дворик своего детства – ностальгия!

В Новороссийске туристическую группу распустили. Агентство позаботилось о том, чтобы у каждого был билет до места назначения. Круиз закончился, однако не закончилось путешествие Полунина. Прежде чем вернуться в город, где родился его сын, Владимир решил побывать в Тарасове. Навестить Либерзона, старого еврея, с которым они вместе съели не один пуд соли. Да побывать в охотничьем домике корейца Кима, где Полунину пришлось скрываться после убийства Анны.

С теплохода Владимир сразу отправился в аэропорт, где на его имя были заказаны два билета. Самолета пришлось немного подождать, однако уже через шесть часов Полунин с

сыном прилетел в город, в котором родился. И, поймав такси, отправился на улицу Усиевича. К магазину «Светлана», принадлежавшему теперь Либерзону.

Старый еврей за год, прошедший с момента его последней встречи с Полуниным, не сидел сложа руки. Он расширил магазин, и супермаркет «Светлана» занимал теперь первый этаж девятиэтажного здания. Магазин обзавелся шикарной неоновой вывеской и униформой для продавцов. Все смотрелось на высшем уровне. Однако помещение, занимаемое самим Либерзоном, осталось прежним – больше напоминавшим подсобку и склад одновременно, чем кабинет директора крупной торговой фирмы.

Да и сам Игорь Зямович изменился мало. Худоба, с которой он вышел из тюрьмы, где они и познакомились с Полуниным, никуда не делась, несмотря на прекрасное питание. Последние редкие волосы на затылке и у висков совершенно поседели. А единственным изменением, которое произошло в облике Либерзона, были очки в металлической круглой оправе, которые он теперь вообще не снимал с носа.

Либерзон сам вышел встречать Полунина, когда охранник в камуфляже, охранявший теперь вход в подсобные помещения, доложил о его приходе. Старые приятели пожали друг другу руки и обнялись. После этого Владимир проговорил, кивнув в сторону охранника:

– Это что-то новенькое. А куда, Изя, делась твоя милая сестра? Только не говори мне, что она добровольно решила уйти на пенсию!

– Нет, я отправил ее в бессрочный отпуск, – помрачнев, проговорил Либерзон. Полунин удивленно посмотрел на него. – Понимаете ли, Володя, в нашем городе постоянно происходят перемены. И с моим магазинчиком тоже. Думаю, нет смысла говорить, что виной им мой непутевый сын Виктор. Именно из-за него мне и пришлось сменить Адель на этого молодого человека из охранной фирмы. А это, сами понимаете, Володя, несколько накладно для моих подорванных финансов. Впрочем, пройдемте ко мне, там я вам все расскажу. Кстати, почему вы до сих пор не представили мне этого молодого человека, которого привели с собой?

– Антон Владимирович, – мальчишка опередил отца и деловито протянул руку Либерзону. Его ладошка бесследно утонула в огромной лапе Изя. – Полунин, конечно!

– Вот и замечательно, – проговорил Либерзон так, будто и в самом деле получил огромное удовольствие от знакомства с мальчиком. – Только не надо первым совать руку старику. Воспитанный человек ждет, когда тот, кто старше, предложит ему рукопожатие. – Избалованный донельзя Антон молча проглотил замечание. —Прощу ко мне в кабинет, господа!

Пройдя мимо охранника, застывшего в проходе с выражением каменного спокойствия на лице, все трое оказались в узком коридоре, уходившем в глубь магазина. Своим вторым входом он выходил во внутренний двор дома, первый этаж которого занимал магазин «Светлана». Полунин заметил, что и у служебного входа дежурит охранник.

Владимир удивился, но решил ничего не спрашивать. Он ждал, пока Либерзон сам все расскажет. Но и сейчас Полунину было ясно, что наличие охранника у служебного входа не могло означать ничего другого, кроме появления у Либерзона новых серьезных неприятностей. Если бы старый еврей серьезно не опасался за свою жизнь и, что более существенно, за безопасность фирмы, он никогда не расщедрился бы настолько, чтобы нанимать в магазин двух сотрудников охранного агентства.

– И как вы, Володя, все-таки решили наведаться в наши края? – поинтересовался Либерзон, открывая дверь своего кабинета. – Неужели и у вас с возрастом пробудилась ностальгия?

– Нет, – улыбнулся Полунин, проходя внутрь. – Просто решил отдохнуть и развеяться. Да сыну мир показать. Мы с ним только что вернулись из круиза вокруг Европы и решили недельку пожить у Кима. Побродить по лесам, порыбачить. В общем, побыть вдали от мирской суеты.

– Ох, как я вам завидую, – вздохнул Либерзон, предлагая гостям присесть. – Я бы тоже поехал куда-нибудь, но дела не дают ни минуты покоя. Вы же знаете, Володя, как тяжело нищему еврею жить в этой стране. Каждый только и старается, что надуть или вообще ограбить.

Полунин всегда испытывал самые добрые чувства к Игорю Зямовичу. Своей эрудицией и жизненным опытом Либерзон не мог не вызывать у него уважения. Но Изя никогда не упускал случая рассказать всем знакомым, как ему тяжело живется. Отчего все его жалобы никто уже не воспринимал всерьез.

Вот и сейчас, когда Либерзон с трагическим видом рассуждал о превратностях российской жизни, Полунин едва сдерживал улыбку. Владимир, помня об охране внутри магазина, понимал, что проблемы в этот раз у Либерзона могут быть действительно серьезными. Но переполненные печалью огромные карие глаза Изя и его минорный тон казались Полунину излишне театрализованными, несколько комичными.

– Вы, наверное, прекрасно помните, Володя, в какие гадости я постоянно попадал из-за моего бездельника и шалопая сына, – продолжил тем временем Либерзон, зачем-то переложив на столе бумаги с места на место. – Первый раз мне пришлось из-за него сесть в тюрьму. Потом со своими фантазиями относительно беспроцентных кредитов он едва не подставил меня под бандитские пули. И вот теперь у нас новая напасть. Ах, как я жалею о его беспечности и неразумности. Понимаете, Володя, мне даже умереть сейчас нельзя, потому что не на кого оставить дело. Что будет с моим магазинчиком, если рядом с Виктором не останется никого, кто мог бы исправить его ошибки?.. Вся семья попросту разорится!

Либерзон посмотрел на Антона.

– Запомните, молодой человек, с самого раннего возраста, – проговорил он все тем же трагическим голосом, к которому, однако, сейчас примешались нотки патетики. – Радостью для отца может служить только благоразумие сына!

Полунин рассмеялся. Антон слушал Либерзона, не сводя с него широко открытых глаз. Парнишка спросил:

– А как это – благоразумие? Это что, работа такая?

– Можно сказать и так, – тяжело вздохнул Изя. – Но, образно говоря, если тебе захочется пописать с балкона своего дома на головы прохожих, но ты от этого откажешься, то вот тогда и проявится твое благоразумие.

– А что, ваш сын пишет на головы прохожим? – удивленно и несколько испуганно спросил Антон. Полунин снова рассмеялся.

– Однако, Изя, ты обещал рассказать о своих проблемах. Что случилось на этот раз?

– Ой, Володя, лучше и не спрашивайте! – махнул рукой Либерзон. – По сравнению с тем, что случилось сейчас, все предыдущие беды – не более чем прогулка в парке по сравнению с сорокалетним блужданием евреев по пустыне!

Либерзон встал и начал ходить по кабинету, старательно огибая горы коробок. Несколько раз он порывался начать рассказ, но после глубокого вдоха только замирал на несколько секунд и снова начинал бродить. Полунин некоторое время терпеливо ждал, а затем все-таки не выдержал:

– Изя, прекрати шататься, как маятник, – он поймал Либерзона за рукав. – Доставай-ка лучше из своего сейфа бутылочку коньяка. Давай выпьем по рюмочке за встречу. Ты успокойся и спокойно мне все расскажешь.

Игорь Зямович посмотрел на Владимира так, словно Полунин сказал что-то действительно гениальное. Либерзон первым делом схватил телефонную трубку и позвонил в торговый зал, попросив кого-нибудь принести в кабинет «закусочки к коньячку». Затем Изя достал из сейфа маленькую бутылочку коньяка и пару крошечных рюмок под стать ей. Протерев их от пыли вельветовой тряпочкой, Либерзон поставил все на стол.

– Даже не знаю, Володя, с чего и начать, – проговорил Либерзон после того, как дородная продавщица, принеся в кабинет закуску, вышла и закрыла дверь. – Мой шалопай Виктор сделал опять непростительную глупость...

Все началось около месяца назад. Либерзон-младший, которого отец старательно готовил к принятию руководства над магазином и несколькими мелкооптовыми фирмами, получил, наконец, доступ к подписанию финансовых документов. Игорь Зямович посчитал, что сын уже достаточно набрался ума, чтобы не привести фирму к краху, заключая договоры и самостоятельно распоряжаясь финансами.

– И, представьте себе, Володя, этот простак тут же попался на дешевый трюк, – вздохнул Либерзон, наливая еще по одной рюмочке. – Решил купить за бесценок дорогой товар!

В тайне от отца Виктор встретился с неким Станиславом Бережным, никому не известным в Тарасове человеком. Их познакомил один из однокурсников Виктора. Бережной тут же предложил Либерзону баснословно выгодную сделку. Он сказал, что имеет возможность достать несколько железнодорожных цистерн высокооктанового бензина по цене в два раза меньше рыночной.

Объяснил подобные расценки Бережной тем, что получит бензин с предприятия-банкрота. Тому, дескать, необходимо срочно погасить огромный долг, чтобы хоть как-то остаться на плаву. Вот руководство фирмы и продает все что можно по бросовой цене, лишь бы иметь возможность расплатиться с долгами.

Бережной, естественно, не сказал Виктору, у какого предприятия собирается покупать нефтепродукты. Он объяснил это тем, что опасается дать Либерзону возможность обойти его, выйдя непосредственно на контакт с фирмой. Довод показался Виктору убедительным. Поэтому настаивать он не стал.

Сама же суть соглашения заключалась в следующем. Либерзон должен был выделить половину требуемой суммы Бережному в качестве гарантии, что бензин будет куплен непременно. Условие было вполне для Либерзона приемлемым. Тем более что Виктор тут же заключил контракт с фирмой «Бер-ойл», руководителем которой и был Бережной. Станислав подал Либерзону на подпись два документа, куда уже были внесены его данные. После этого один экземпляр контракта, естественно, остался у Виктора, а другой взял себе Бережной.

Либерзон снял почти все деньги со счета отца и передал их Станиславу. Остальную сумму Виктор планировал погасить за счет кредита, который собирался взять в одном из тарасовских банков. А затем вернуть в максимально короткие сроки, реализовав закупленный бензин. Фирму-покупателя Виктору помог найти все тот же однокурсник. И с ней Либерзон тоже заключил контракт на поставку высокооктанового бензина к определенной дате.

Каково же было удивление Виктора, когда состав с бензином от Бережного пришел в Тарасов на следующий же день после отъезда Станислава из города. Либерзон-младший тут же бросился добиваться кредита. Однако по совершенно непонятной причине все тарасовские банки ему в этом отказали. Виктор обивал их пороги неделю, пока в городе вновь не появился Бережной, но так ничего и не добился.

Станислав, встретившись с Либерзоном, первым делом сунул ему в нос свой экземпляр контракта, где черным по белому было написано, что в случае непогашения задолженности перед поставщиком в течение пяти дней после получения товара Либерзон был обязан заплатить неустойку, в три раза превышавшую всю сумму контракта. Первоначальные выплаты при этом не учитывались.

Ошарашенный Виктор просмотрел свой экземпляр соглашения и подобного пункта в нем не нашел. Он тут же заявил Бережному, что не собирается платить. Тот только пожал плечами и заявил, что спорить по этому поводу с Виктором он не намерен. Дескать, все решит суд. Либерзон-младший возражать не стал, надеясь, что на процессе разгромит Бережного в пух и прах.

Однако все вышло по-другому. Серьезные эксперты перед началом процесса проверили оба договора. И оказалось, что тот, который находился на руках у Виктора, абсолютная фальшивка. То есть подпись Либерзона и печать его фирмы были настоящими, но вот автограф Бережного был подделкой. А оттиск печати, сделанный на экземпляре Виктора, был с давно утерянного образца. И копия заявления в милицию о его утрате к делу прилагалась.

Арбитражный суд обязал Либерзона выполнить все пункты контракта в соответствии с экземпляром Бережного. Более того, он обвинил Виктора в подделке финансовых документов и попытке обмануть суд при помощи мошенничества. За что наложил дополнительное взыскание на Либерзона-младшего и фирму его отца.

Но на этом неприятности у семьи Либерзонов не закончились! Та организация, с которой Виктор уже сам заключил договор о поставке бензина, выставила ему иск, согласно которому Либерзон должен был выплатить ей довольно солидную сумму за нарушение обязательств контракта.

– Теперь, Володя, я совершенно разорен, – тяжело вздохнул Игорь Зямович, заканчивая свой рассказ. – Ни один уважающий себя банк после такого процесса кредит нам давать не собирался. Тех средств, что я имею в наличии на сегодняшний день, хватит на погашение лишь половины требуемой суммы. И даже если мне удастся продать квартиру, машину, жену и беспутного Виктора в придачу, покрыть больше двух третей задолженностей я не смогу. Бережной дал мне две недели на сбор требуемой суммы, после чего он собирается передавать дело из арбитражного суда в областную прокуратуру. Надеюсь вам, Володя, не нужно объяснять, чем мне это будет грозить...

Либерзон замолчал и вновь начал перекладывать на столе бумаги с места на место. Изредка он бросал какие-то странные взгляды на Полунина, но молчал, ожидая, пока Владимир выскажет свое мнение.

Полунин задумался. Проблема, возникшая у Изи, была действительно серьезной. Судя по всему, его сына обманули именно тогда, когда давали на подпись контракт. Все атрибуты Бережного там, естественно, с самого начала были липовыми. И, как понимал Владимир, доказать мошенничество в этом случае будет практически невозможно.

– Сколько тебе требуется денег? – спросил Полунин, тщательно проанализировав ситуацию.

Изя назвал сумму, от которой Владимир едва не подскочил на стуле. Оказалось, что Либерзон был намного богаче, чем Владимир мог себе представить. Денег, которые требовались на погашение долга, Полунин не смог бы собрать, даже если бы продал свои акции «Нефтьоргсинтеза» и ликвидировал совместную с Болдиным и Рамазановым фирму.

– Ничего себе, несколько железнодорожных цистерн! – присвистнул Полунин. – Судя по размеру долга, эти несколько купленных Виктором цистерн легко превращаются в пару железнодорожных составов.

– Я понимаю, Володя, ваше удивление. Но, поверьте мне, я сам был поражен не меньше вашего, – опустив глаза, проговорил Либерзон. – Я подумал, Володя, что вы могли бы помочь мне. Если вы используете ваше влияние на Пепла, то мы сможем решить сложившуюся проблему...

– Нет! – Полунин жестко посмотрел в глаза Изе. – Этого не будет.

Владимир прекрасно знал Анатолия Горелова по кличке «Пепел». Первый раз они встретились еще на зоне, где Горелов был одним из приближенных Лени-Быка, зоновского авторитета. Оказалось, что Бык был земляком Полунина, и это способствовало установлению отношений между ними.

После освобождения Леня-Бык стал крупным авторитетом в Тарасове, и Полунину не раз приходилось иметь с ним дело. А после того как Быка застрелили прямо у него в офисе, а

второй помощник авторитета, Бармалей, оказался предателем, одну из крупнейших в Тарасове преступных группировок возглавил Пепел.

Именно к этому человеку и просил Либерзон обратиться за помощью. Однако Владимир прекрасно понимал, что в таком случае окажется обязанным Горелову, и тот не преминет втянуть его в какую-нибудь преступную авантюру. А вот от этого Полунин отрекся раз и навсегда.

– Я не могу ни о чем просить Пепла, – Владимир улыбнулся растерявшемуся Либерзону. – Больше не будет никаких преступных разборок и наездов. По крайней мере, в тех делах, которые касаются меня. Но, Изя, я помогу тебе. Мы решим твою проблему, руководствуясь только законом. И я знаю, к кому мне нужно обратиться для этого!

Глава пятая

Полунин одолжил у Либерзона машину и, оставив удивленного старика, отправился в центр города. Туда, где располагалось здание областной прокуратуры. Владимиру нужен был человек по фамилии Гришаев.

Сейчас Алексей Геннадьевич Гришаев занимал пост заместителя прокурора Тарасовской губернии. Именно Гришаев около пятнадцати лет назад вел следствие по делу Полунина, после которого Владимир получил свой первый, единственный и, как надеялся Полунин, последний срок.

Вопреки традиционным представлениям о том, что отношения следователя и подозреваемого всегда бывают пропитаны взаимной ненавистью, Владимир испытывал к Гришаеву скорее уважение, чем что-либо другое. Алексей Геннадьевич прекрасно знал, что в том деле Полунин был только пешкой, за что грозило ему максимум два года условно. Однако Владимир полностью взял чужую вину на себя, поддавшись уговорам Слатковского, за что позже и поплатился.

После освобождения Полунина они с Гришаевым несколько раз встречались и сохранили друг с другом нормальные отношения. Владимир был уверен, что Алексей Геннадьевич осведомлен об обвинениях, выдвинутых против Либерзона, и хотел, чтобы Гришаев подробнее рассказал ему об имеющихся у сторон шансах выиграть дело. И, может быть, посоветовал бы Полунину, что нужно делать, чтобы спасти Либерзона.

Здание областной прокуратуры несколько лет назад было заново отделано и теперь сверкало почти европейским великолепием. Без примеси «совковского» антуража в обстановке помещений все же не обошлось, и здание изобиловало громоздкими шкафами, деревянными стульями и портретами первых лиц губернии и государства.

Кабинет Гришаева был не в пример шикарнее его прошлого места работы. Вместо обычного письменного стола заместитель прокурора восседал теперь за массивным дубовым монстром, под цвет стенным панелям. За спиной Гришаева красовался трехцветный российский флаг, над которым красовался портрет президента.

– Здравствуй, Алексей Геннадьевич, – проговорил Полунин, войдя в кабинет после доклада секретарши Гришаева. – С повышением тебя.

– Да какое это, к хренам, повышение! – махнул рукой заместитель прокурора. – В мои годы люди в других креслах сидеть должны. Или баклажаны на даче выращивать!

– Так что же тебе мешает огородником стать? – усмехнулся Владимир. – С работой сросся?

– Ага! Жить без нее не могу, – фыркнул Гришаев. – Давно бы на все плюнул и ушел на пенсию. Только вот никак придумать не могу, как на эти гроши жить буду.

– А ты у старушек поспрашивай, – язвительно посоветовал Полунин. – У них пенсия поменьше твоей, старушки уже к этому приноровились и научат тебя семечками торговать. А то можешь милостыню просить. По примеру Кисы Воробьянинова: «Подайте, господа, бывшему заместителю прокурора...»

– Ты сюда издеваться пришел, умник? – Гришаев удивленно вскинул брови. – А валидол с собой принес? А то у меня сердце слабое: я умру, а тебя снова посадят.

– Я, Алексей Геннадьевич, к тебе по делу пришел, – после недолгой паузы проговорил Владимир. – А если точнее, то по делу Либерзона.

– Это по бензиновому контракту, что ли? – удивленно спросил Гришаев. – А ты тут при чем?

– Ни при чем, – пожал плечами Полунин. – Но человека подставили, и я хочу ему помочь выкрутиться.

– Ты, Володя, теперь в Армию Спасения записался? – фыркнул заместитель прокурора. – С чего это ты решил помочь? Или должен ему что?

– Не важно, что я ему должен и почему хочу вмешаться, – Владимир в упор посмотрел на Гришаева. – По вине Виктора его отец уже немало настрадался. И я не хочу оставаться в стороне от его беды.

– А ты уверен, что это не Виктор Либерзон пытался кинуть Бережного? – прищурился Гришаев. – Факты-то все об этом говорят...

– Вот для того, чтобы обсудить эти факты, я и пришел к тебе, – Полунин подался вперед. – Расскажи мне, что есть у Бережного против Виктора?

– Ты что, очумел? – заместитель прокурора вскинул бровь. – Это же служебная тайна...

– Так, значит, заявление о возбуждении уголовного дела уже у тебя? Быстро он... И брось ты, Алексей Геннадьевич, говорить мне о тайнах следствия! – Владимир махнул рукой. – Эту твою тайну уже полгорода всю мусолит. Один я ее во всем Тарасове и не знаю. Давай рассказывай!

Со слов Гришаева картина происшедшего получалась прямо противоположная тому, что рассказывал Полунину Изя. Заместитель прокурора оперировал голыми фактами, и они выставляли Либерзона-младшего очень жадным, но и очень глупым махинатором. А именно таким и представлял себе сына Игоря Зямовича Полунин.

По материалам, переданным в прокуратуру из арбитражного суда губернской торгово-промышленной палаты, было совершенно очевидно, что для Виктора Либерзона оправдательного приговора вынесено быть не может. Документы, переданные туда Бережным, делали защиту Либерзона-младшего абсолютно бесперспективной.

– Мне не веришь, ты у адвокатов поспрашивай, – фыркнул Гришаев. – Его папаша весь Тарасов обегал в поисках идиота, который мог взять на себя ведение защиты. Юристы, все до единого, ему отказали. Вот и пришлось Либерзону соглашаться на государственного. Дали им одного сопляка, которому совершенно безразлично, чем закончится дело. Лишь бы зарплату платили...

– Давай ближе к делу, Алексей Геннадьевич, – оборвал его Полунин. – Я разговаривал с Игорем Зямовичем и уже немного в курсе случившегося. Теперь хочу услышать, как дело выглядит с точки зрения прокуратуры.

– А отсюда, – Гришаев постучал указательным пальцем по массивной столешнице, – оно выглядит просто великолепно. За нами теперь будет числиться раскрытие крупного мошенничества. За такое могут не только по головке погладить, но и премию дать... Сумма иска на твоего Либерзона такая, что нам все показатели враз перекроет. А у нас галочки, сам знаешь, еще никто не отменял!..

– Ладно, Алексей Геннадьевич, давай покороче, – перебил его Владимир. – У меня сын в приемной сидит. Да и тебя небось дела поджимают. Как Виктора вытащить из этой передраги?..

Гришаев, усмехнувшись, покачал головой и сухо изложил Полунину все факты. Чем больше он говорил, тем больше понимал Владимир, почему от этого дела отказались тарасовские юристы.

Во-первых, главным препятствием была доказанность того, что контракт, бывший на руках у Либерзона, являлся подделкой. Уже это одно могло отпугнуть многих. Хотя шанс доказать подмену документа, на чем настаивал Виктор, все же был. Если бы не одно «но»!

Дело в том – и это во-вторых! – что текст поддельного контракта был отпечатан на той пишущей машинке, что стояла в кабинете Либерзона-старшего! Изя ничего не сказал об этом Полунину, и Владимир был страшно удивлен, когда услышал о пишущей машинке от заместителя прокурора, а не от него самого.

В-третьих, Виктор отказался выполнить свои обязательства по оплате согласно тому контракту, что был у Бережного. Он сделал это при личной встрече, а затем повторил свои слова на судебном разбирательстве. Что, естественно, было учтено в протоколе.

И последним, четвертым аргументом, превращающим защиту Либерзона в совершенно бесперспективное занятие, было заявление Бережного о полученных от Виктора угрозах физической расправы в том случае, если Станислав не заберет свое заявление из суда. Причем эти угрозы подтверждали двое свидетелей.

– Вот так вот, Володя, – хмыкнул Гришаев, когда закончил свой рассказ. – Сам видишь, что шансов избежать наказания у Либерзона меньше, чем у тебя после признания в организации преступной группы.

– Ладно, допустим! – Полунин откинулся на спинку кресла. – И все же. Если Бережной, а не Либерзон занимался мошенничеством? Как это доказать?

– Да никак! – заместитель прокурора развел руками. – Обвинения могут снять только в том случае, если Бережной сам признается на суде, что хотел кинуть твоего Виктора. Но какой дурак это сделает? Он сам может штраф или срок схлопотать... Впрочем, есть один способ.

– Какой? – поинтересовался Владимир, уже догадываясь, что ему ответит Гришаев.

– Заставь Бережного забрать заявление. Реши все полюбовно, – заместитель прокурора хитро посмотрел на Полунину. – Я знаю, что у тебя есть такая возможность. Только помни, я тебе этого не советовал!

– Учту, – мрачно ответил Владимир и поднялся с кресла. – Спасибо за помощь. Еще увидимся...

Возвращаясь обратно в магазин «Светлана», Полунин тщательно взвешивал все факты и запутывался все сильнее и сильнее. Собственно говоря, хотя Владимиру и приходилось не раз участвовать в разрешении самых запутанных и проблемных ситуаций, выступая в роли посредника – эдакого третейского судьи, – но он никогда не мог представить себя в роли следователя. А то, что сейчас предстояло сделать Полунину, никак иначе назвать было нельзя.

Владимир обещал Либерзону свою помощь и не мог не сдержать слово. Хотя бы потому, что Полунин был уверен в том, кто будет наказан в случае проигрыша Либерзонами дела в суде.

Как и в первый раз, когда Игорь Зямович взял вину сына на себя, не захотев отправить парня в тюрьму, он и теперь, едва только осознает безвыходность положения, заявит, что Виктор действовал по его указанию. Либерзон-старший скажет на суде, что это он приказывал сыну именно так поступить с Бережным, и сядет в тюрьму вместо Виктора, прекрасно зная, что оттуда уже не выйдет. Полунин этого допустить не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.